

Игорь Ассман

Аланский треугольник

Мир космоса, галактик, кто их населяет
и отношение к нашей Земле. Триллер

Игорь Ассман

**Аланский треугольник.
Мир космоса, галактик, кто
их населяет и отношение
к нашей Земле. Триллер**

«Издательские решения»

Ассман И.

Аланский треугольник. Мир космоса, галактик, кто их
населяет и отношение к нашей Земле. Триллер /
И. Ассман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836935-3

Фантастический триллер о невероятных происшествиях в других
созвездиях и галактиках. Кто же их населяет? Как они живут? Что они
думают о Земле? Все это прошел главный герой книги.

ISBN 978-5-44-836935-3

© Ассман И.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1. Неожиданная экспедиция	6
Глава 2. Незнакомое место	14
Глава 3. Незнакомое место	19
Глава 4. Новые знакомства	24
Глава 5. Регрессивная терапия	28
Глава 6. Продолжение разговора	32
Глава 7. Руководство и политика	41
Глава 8. Психиатрия и Психология	45
Глава 9. Дополнительная информация	49
Глава 10. Здравоохранение	53
Глава 11. Образование и эксперимент	58
Глава 12. Военные и духовные	63
Глава 13. Ожидание	68
Глава 14. Вердикт	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Аланский треугольник

Мир космоса, галактик, кто их населяет и отношение к нашей Земле. Триллер

Игорь Ассман

*Роман посвящен моей жене любительнице фантастики, хотя
многие вещи, на мой взгляд, могут оказаться чистой правдой.*

© Игорь Ассман, 2017

ISBN 978-5-4483-6935-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1. Неожиданная экспедиция

Я не работал в то время ни в одном из государственных или частных учреждений, и мне было за сорок. За моей спиной был и колледж, и Университет. Я проработал за свою короткую жизнь на разных должностях и многого добился. Но, видимо Бог дал мне голову и неплохую, ведь настало время, когда быть под чьим-то началом, особенно какого-нибудь тупоголового шефа, который каждый день промывает мозги, а иногда смешивает тебя с грязью, мне просто надоело. Политика меня не интересовала, она была полностью продажной, спорт – тоже, то тут, то там проскальзывали скандалы о договорных матчах. Все в этом мире покупалось и продавалось. Постепенно в нашем гнилом обществе мне уже надоело все, и я решил уединиться. За десять лет, работая в фирме, а вечерами проводя за Интернетом, я построил себе занятие, которое заключалось в том, что я покупал и продавал по интернету любые интересные вещи, какие находил. Моим рабочим инструментом были голова и компьютер, и основное время я проводил дома, уже несколько лет назад я уволился с последней чертовой работы. Доходы от моей новой деятельности меня устраивали. С женой мне не повезло, мы расписались, когда мне было двадцать два, она же была на пять лет меня старше. Первые месяцы прошли прекрасно, но уже во втором полугодии у нас начался разлад. Она оказалась очень мелочной женщиной, и то и дело по пустякам у нас начинались ссоры. На второй гор ссоры перешли в скандалы, а на третий, мы уже оба не выдержали и подали на развод. Она отсудила все что могла, мне осталась небольшая квартира, доставшаяся мне еще от моих родителей и подержанная машина, ей же отошел наш новый дом, новая машина и половина средств в банке. Она даже не позволила забрать мне мою любимую кофеварку, ни о чем другом можно было и не мечтать.

После двух лет совместной жизни она родила ребенка, мальчика, я даже не представлял, кто бы мог вырасти из него в такой скандальной семье, где кроме ссор не оставалось времени ни на что. Так оно и случилось, и Том, как мы его называли, сразу стал расти как маменькин сынок. Она уже подросток, но со мной вообще не общался, даже просто бросал телефонную трубку, когда я иногда звонил. Но однажды меня пригласили на крещение моего внука, я и понятия не имел, что Том уже женился, а взяв ребенка на руки, целовал его ножки и ручки, а потом отдал его матери.

Как мне кажется, я всегда был человеком умным и целеустремленным. Все вечера я проводил за компьютером, техника меня никогда не интересовала, а вот история, археология и аномальные явления всегда привлекали мое внимание. Это было моим хобби. Я читал много статей, пока, однажды, не наткнулся на какой-то интересный форум. Естественно, больше всего в нем сидели завсегдатаи и делились своими мнениями, и о каких-то астральных путешествиях, воспоминаниях о прежних жизнях и так далее. Половину я не понимал, но что-то из всего этого меня заинтересовало. Раз столько людей делилось своим опытом, значит что-то за этим стояло, и вполне реальное. Я начал искать статьи по этим темам, и хоть многое и выглядело фантастичным, кое-что было похоже на правду, особенно если это что-то сопровождалось какими-то реальными фактами и даже фотографиями.

Примерно через месяц, я порылся в интернете и к удивлению в нашем же городе нашел КЛУБ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ АНОМАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ.

Набравшись храбрости, в один вечер я туда и направился. Это было небольшое здание, но внутри копошилось много людей, и я немного расслабился. Кто-то посоветовал подняться

на этаж выше и найти какого-то Джерри. К счастью, я нашел его быстро в одном из кабинетов, который был заставлен обычными шкафами с кучей папок и просто бумаг.

Джерри был примерно моего возраста и года, когда я, постучавшись, зашел, он читал какие-то бумаги, и, не проронив ни слова, машинально показал мне на стул. Наконец он поднял взгляд и посмотрел на меня с вопросом в глазах.

Вкратце я объяснил, что тема аномальных явлений всегда меня интересовала, что я много читал, и хотел бы попробовать или посмотреть, как это выглядит по-настоящему.

– Новичок, – просто вздохнул он. – А что ты умеешь делать?

– В каком смысле? – не понял я.

– Ну, хотя бы выходить из тела и совершать астральные путешествия. Или читать мысли, двигать предметы на расстоянии, предсказывать.... – Я молчал.

– Ну, хоть какие-то экстрасенсорные способности у тебя есть?

Я задумался. Нет, ничего из перечисленного я в себе не помнил, и не замечал. Чего у меня было в избытке, так это воображение. Я просто пожал плечами.

– Я так и понял, что новичок, – поднялся он. – Только ты не грусти, многие начинали с того же. – Он задумался. – В походы ходил?

– В колледже и в университете, и то пару раз, – понуро ответил я.

– А как с отпусками, то есть со свободным временем?

– Навалом, – наконец я поднял голову. – Я работаю сам на себя, с компьютером, и ни с кем не завязан.

– Это уже интересней. У нас тут все добровольцы, и только несколько человек работают в клубе постоянно. Просто у них есть деньги, чтобы не ходить на работу, остальные появляются только в отпусках.

– А как с финансами? – вздохнув, спросил он.

В ответ я тоже вздохнул. – Так себе, как у нормального человека.

– Дело в том, что мы себя содержим сами. Конечно, есть и меценаты, и небольшие другие доходы, но в основном все экспедиции идут за счет участников клуба.

– Экспедиции? – у меня поднялись брови. – Вы ходите в экспедиции?

– А что же мы, по-твоему, делаем? Перепечатываем материалы других изданий? Ходим и в экспедиции, спускаемся в пещеры, ныряем в море, короче делаем все, чтобы найти, исследовать, и если получится, хоть как-то объяснить тысячи аномальных явлений. Нет, за рубежом мы не ездим, и здесь хватает работы. Для нас самое главное быть первыми, пока в тех местах уже не побывали специалисты и не придумали свои порой дурацкие версии. Кстати, на следующей неделе ты занят?

– Вроде бы нет, – подумал я.

– А в Аланский треугольник не хочешь сходить?

– А что это такое? – Опешил я. – Сходить, это в смысле как поход?

– Именно. Группа у нас неполная. Нет, специалисты есть, а рабочих рук не хватает. Много аппаратуры нести надо, да и палатки, еду.... Ты уж меня извини, но на этот раз тебе придется только нести вещи. А там, на месте осмотришься, что и как, это будет тебе практическим обучением. – Он посмотрел на меня вопросительным взглядом. – Сегодня же мы тебя оформим, мужик ты сильный, и если действительно есть интерес, то научишься быстро.

– А что это вообще такое, Аланский треугольник? – простодушно спросил я.

– Аномальное место, пятьсот миль отсюда. О нем уже было пара статей в местных газетах, но не более, туда еще никто не ходил.

– И чем же он аномален?

– Скорее всего, место разлома земной коры. Там близко есть деревушка и небольшой лес. Наверное, видел, как деревья закручиваются в аномальных зонах? И три жителя там

пропали, последний – год назад. Просто исчезли и никогда больше не появились. Из местных больше ни одного смельчака не осталось, чтобы в тот лес нос совать.

– А если из нашей группы кто-то исчезнет? – невинно спросил я.

– Маловероятно, исчезновения проходили с большим разрывом во времени. – Было видно, что Джерри успокаивал. – Ну, и конечно, в нашей работе всегда есть риск. Не обязательно исчезнуть, а просто сломать ногу, заболеть. С вами в группе будет врач, не беспокойся.

– Попробую, – вдруг улыбнулся я. – Интересно ведь. Странно, получается, зашел к вам узнать, а вы меня сразу же в экспедицию. Вы же меня совсем не знаете?

– Анкету ты, конечно, заполнишь, только мы любим, проверять людей в деле, а не по бумажкам. Ну, так что?

– Ладно, – немного неуверенно сказал я. – А что надо брать?

– Все, что тебе может пригодиться в походе, вернее, постарайся по минимуму, ведь тебе еще кучу чего придется нести. Самое главное одежда, а об остальном позаботятся другие. И скинуться придется немного: половину денег на затраты даст Фонд, остальные из наших личных, все поровну.

Я неуверенно встал, а Джерри протянул мне руку.

– Оформись в комнате напротив, просто заполнишь анкету. Скажешь, что пойдешь на той недели с Майклом, тебе скажут, сколько надо будет внести денег. Как только заплатишь, можешь считать себя участником первой в твоей жизни серьезной и интересной экспедиции. Желаю удачи!

Я пожал его руку и вышел.

Молодая девушка дала мне анкету, и я ее заполнил, вопросы были очень простые, и их было немного.

Уже дома я схватился за голову. Я читал и видел съемки многих экспедиций, в основном в них участвовали известные ученые, и мне было очень это интересно. Но чтобы самому попасть в экспедицию и уже на следующей неделе – это было просто невероятно. Я много читал об аномальных зонах, там случались самые невероятные вещи, и вот теперь я пойду в одну из них и все увижу собственными глазами! Пусть я буду как сподручный, но кто же меня возьмет специалистом, если я там никогда не бывал? Это было логично, и я воспринимал все естественно. Иногда я даже мысленно благодарил Джерри за такую невероятную возможность.

Весь вечер я провел в Интернете, читая статьи только об аномальных зонах, ведь хоть в чем-то я должен быть подготовлен. Я даже нашел маленькую заметку об Аланском треугольнике, хотя в ней почти ничего не было. Пропал лесник, а до этого еще два человека, их искали больше двух недель, но не нашли даже ни одной вещи. Лесник, который исчез последним, просто испарился. Такой же случай был пять и восемь лет назад, все с местными жителями.

Назавтра я уже был в клубе.

– Вы с Майком? – узнала меня девушка, которая принимала от меня анкету. – Вас зовут Джон. С вас двести пятьдесят долларов.

– Всего? – не поверил я и полез в карман. – Я думал.....

– Вас будет десять человек на двух наших Джипах. Две тысячи пятьсот с участников, столько же выделяет фонд. И еще, из местной газеты с вами поедет корреспондент, такое часто случается, газеты любят сенсации, одна выделила еще тысячу долларов и всунула своего человека.

– И нам этого хватит? – удивился я. – А насколько хоть дней?

– Я думаю на неделю, не больше. Должно хватить. А теперь запомните хорошенько или запишите. Выезд во вторник в десять вечера прямо от клуба, не опоздайте. Ехать меньше

суток, так что на местно вы должны добраться засветло, чтобы обустроиться и успеть поговорить с местными жителями. Вся ваша одежда и прочие вещи должны уместиться в один рюкзак, чтобы обе руки были свободны. – Она задумалась – Еду не берите, огнестрельное оружие тоже.

– Не на охоту же едем, – улыбнулся я. – Все четко и понятно: во вторник в десять вечера здесь.

Все выходные я потратил на сборы. В субботу я купил большой туристический рюкзак, он мне показался огромным. Потом, уже дома, я сносил и сваливал на кровать все, что мне могло бы понадобиться, казалось, что ум не забывал ничего, даже какой-то мелочи. Когда же я свалил все вместе, то, глядя на заваленную кровать, понял, что ни в какой рюкзак это не войдет, даже в три рюкзака. Я почесал затылок и присел. Я понял, что сделал самую легкую часть, теперь же мне предстояло убрать с кровати две трети вещей. Но что именно? Дело шло к ночи, я освободил кровать, свалив все собранное на пол, и лег спать. Но моя голова не отпускала меня, я перебирал каждую вещицу, и мне обязательно казалось, что без нее мне в походе не обойтись. Наконец я заснул.

В воскресенье уже с утра я взялся за самое трудное. Только к вечеру, я опять собрал на кровать вещи и хмуро на них посмотрел. Мне казалось, что именно та, любая вещь, которую я оставил, могла бы мне пригодиться больше всего. Но, наконец, откинув размышления, я стал набивать рюкзак. Я использовал не только его, но и все кармашки, которые на нем были. Все равно пришлось оставить еще пару вещей, но с трудом, наконец, рюкзак закрылся.

– Будь, что будет, – подумал я и невесело вздохнул. – В конце-то концов, это мой первый настоящий поход, после него я уже буду четко знать, что с собой брать, и что нет.

Я с трудом надел рюкзак, но он чуть не повалил меня на спину, такой тяжести я не ожидал.

– Привыкну, – пробормотал я, и стал ходить с рюкзаком по квартире, немного выгибаясь вперед, чтобы сохранять равновесие.

Во вторник, в полдесятого вечера, я уже стоял у клуба и наблюдал, как загружали багажники двух подержанных Джилов.

– Джон? – услышал я голос и повернулся. – Передо мной стоял высокий коренастый рыжий парень, и улыбался. – Я – Майкл, начальник экспедиции. А ты я слышал, идешь в первый раз? Не страшно? – мне понравился его добродушный тон.

– Немного, – скромно ответил я. – В первый раз больше всего страшит неизвестность.

– Зато второй, вот увидишь, покажется тебе легкой прогулкой. – Кстати, твой Джилов второй, и перед тем, как мы тронемся, я вас всех познакомлю. – Он хлопнул меня по плечу и отошел.

Минут за десять до отъезда, возле джилов собралась небольшая группа, я насчитал девять человек, значит, я был десятым. Я встал в круг, и Майкл назвал каждого по имени, и добавил, какую функцию он должен был исполнять. Среди нас была только одна девушка, и она оказалась врачом. Кроме меня, там был физик, радио электронщик, и люди из разных областей науки. Себя же Майкл объявил как специалиста по аномальным явлениям. Больше всех выделялся журналист, у него была видеокамера и фотоаппарат, и лишь один он был налегке, с небольшим, но туго набитым рюкзаком. Кстати, многие из присутствующих знали друг друга, видимо эта экспедиция была далеко не первым их совместным походом.

Рассевшись по машинам, мы тронулись. Багажники обоих Джилов были забиты до отказа, и рюкзаки пришлось положить сверху на ноги. В машине было тихо, разговаривали почти шепотом только водитель, и парень который тоже сидел на переднем сиденье.

Выехав за город, я вздохнул. – Авантюрист, – пронеслось у меня в голове, – иди туда, не зная куда.

Дорога была полупустая и монотонная, неудивительно, что вскоре все заснуло.

Проснулся я рано, но уже почти никто не спал. Начались обычные дорожные разговоры, кто-то рассказывал о последней экспедиции, кто-то думал о будущей. Я молчал как рыба, да и что я мог сказать? Опыта никакого у меня не было, а то, что я знал, можно было легко найти в Интернете.

Несколько раз мы делали небольшие остановки, я с удовольствием вылезал и разминал ноги, мой неподъемный рюкзак уже успел мне надоесть.

Только около трех часов дня, мы вдруг свернули на какую-то проселочную дорогу, на сырой земле были видны только две колеи.

– А если дождь? – подумал я. – Тут и трактор с трудом проедет.

Но стояла прекрасная весенняя и солнечная погода, на небе не было ни тучки. Однако, чем дальше, тем дорога становилась хуже. Наш Джип качало из стороны в сторону, пришлось крепко держать свои вещи. В одном месте впереди идущая машина чуть не села на дно, но как-то выбралась, наш водитель немного скосил это место, и мы проехали его без проблем.

Потом дорога вдруг поменялась, мы ехали просто по земле покрытой травой, не теряя из глаз колею. Где-то очень далеко я увидел лес, и подумал, что именно туда нам и надо.

Только к пяти вечера я увидел невысокие крыши домов, а вскоре мы уже въезжали в небольшую деревушку, в которой была лишь одна короткая улица. Два Джипа остановились, и из некоторых домов появились местные жители. Неуверенно они приближались к нам.

Мы все вылезли и стояли кучкой. В основном, как и во всех таких деревнях, преобладало пожилое население, хотя были и мальчишки с девчонками, и даже дети в пеленках на руках у мам. На нас просто стояли и вопрошающе смотрели, и инициативу взял на себя Джерри.

Он со всеми поздоровался и объяснил, что мы из города и приехали сюда, чтобы попытаться разгадать загадку исчезнувшего лесника. Далее, он просто попросил помощи, может, кто видел его последним, и вообще, рассказать, что это у них такой загадочный лес.

Народ не расходился, а наоборот, вперед выступил какой-то дед и уже немолодая женщина. Дед видел лесника последним, он был его соседом, а женщина была какой-то его дальней родственницей. Рассказы были скудными, вроде просто ушел и не вернулся. Вспомнили и два старых случая.

– А у вас тут нет избенки, чтобы нам остановиться? – спросил Джерри.

– Как нет. Живите в доме лесника, он же был одиночка. – Сразу же предложила одна женщина.

– А в лес нас кто-нибудь сводит? – Не останавливался Джерри.

– Боже, да не дай бог вам туда соваться, – перекрестился дед. – Страшный лес, вы просто там деревьев не видели, многие стелятся по земле как змеи. Нет, мы туда не ходим. – Его поддержала, наверное, вся толпа.

– А с дровишками как? – хитро улыбнулся Джерри. – Или доски, хату залатать, или еще что, оградку поправить? В лесу ведь рубите?

Толпа зашумела.

– Бывает и такое, – наконец, сказал тот же дед, – только мы подходим к окраинам леса, и не по одному, нарубим что надо, и быстрее в деревню. Вглубь – ни за что.

– Значит, не поможете?

Все отрицательно качали головами.

– И вам не советуем, – добавил тот же дед. – Я там был еще по молодости, с отцом ходил охотиться, да дичи там почти нет, тоже только по окраинам. Больше грибов наберешь, чем что-то подстрелишь.

– Лес-то большой?

– Немалый, – кивнул дед, – только чем дальше к центру, тем хуже становится, страшно и сердце колотится. Голоса чьи-то слышатся, да и прочая дребедень, заблудиться в два счета можно.

– Но если вы там были, вы нам хоть покажете, как в центр пробраться? – с надеждой спросил Джерри.

– Объяснить, это да, память еще не стерлась, и до леса доведу, но только сразу же обратно. А вы что, не побоитесь?

– За этим и приехали, чтобы разгадать ваш страшный лес, – улыбнулся Джерри.

– Наверное, какие-то ученые?

– Что-то вроде того.

Дом лесника находился близко от леса, и дверь была не заперта. Обычный деревенский дом, двухкомнатный, с подобающей утварью и туалетом за огородом.

Мы и не заметили, как стало темнеть. Каждый искал себе место и расстилал спальный мешок.

– Черт! – подумал я, – одеял набрал, а вместо них один бы спальный мешок сгодился. Еще около часа по дому ходили разговоры и перешептывания, а потом все затихло.

Джерри разбудил нас всех в семь утра, а в восемь мы вышли на улицу, вчерашний дед нас уже ждал.

До леса бы километр, не больше. Впереди шел Джек с дедом, тот ему что-то быстро рассказывал. Иногда они останавливались, и дед, присев, чертил на земле какие-то линии.

Наконец мы подошли к лесу и дед умолк.

– Дальше сами, да поможет вам бог, – он перекрестил нас всех и не спеша направился обратно.

Все были загружены по полной форме. Кроме рюкзаков, каждый держал в обеих руках еще что-то. Мне попался неудобный тяжелый ящик с ручкой, видимо в нем были какие-то приборы и я держал его в правой руке. В левой же была объемистая и немного полегче сумка, может с провизией.

Только два человека были налегке, Джерри и корреспондент. У Джерри в руках был планшет, бумага, компас и карандаш. Отдохнув четверть часа, он сказал:

– Идем гуськом, никому не отрываться, не рваться вперед и не отставать. Скорее всего, до центра леса мы дойдем только за полдень, там же сделаем привал и пойдем на разведку. Пошли.

Окраины леса мало чем отличались от обычных лесов, и деревья были ровными. Но уже через два часа ходьбы окружающее стало как-то меняться. Нет, не было не буреломов, ни непроходимых кустарников. Только на душе я почувствовал небольшую тревогу. Деревья, хоть и росли почти ровно, но начали раздваиваться, и даже расстраиваться, причем на высоте пояса, а иногда и колен. Если бы это было лишь одно дерево, я бы удивился и пошел дальше. Но чем глубже мы входили в лес, тем мне становилось более не по себе. Многие деревья уже отклонялись, а одно росло почти параллельно с землей.

– Уже скоро? – слышался вопрос корреспондента. – Что-то сердце покалывает.

– Стоп, – остановился Джерри. – Может тебя вернуть обратно? Пока не поздно. Эти явления часто проявляются в таких зонах. Хотя, если верить деду, нам осталось пару часов ходьбы.

– У меня есть от сердца, – вступила девушка.

– Давай, – попытался улыбнуться корреспондент. – Нет, уж, назад я не пойду.

Выпив таблетку, корреспондент вернулся в строй.

Мое сердце билось еще сильнее. Еще бы, я уже не видел ни одного ровного дерева, это было поразительно, какими немыслимыми фигурами они извивались. Некоторые про-

сто ложились на землю, потом поднимались и уже росли каким-то квадратом или просто замысловатой фигурой.

Было видно, что настроение упало у всех, никто не переговаривался, а просто перешагивал скрюченные стволы. Но около двух часов дня мы, наконец, вышли на небольшую поляну. На ней росла трава, но я не заметил ни одной бабочки и ни одной птицы, явление было редким, будто или поляна была мертва, или что-то отпугивало от нее всю живность. Я присел и не увидел ни одного кузнечика, муравья или божьей коровки.

– Стоп, – вздохнул Джерри, – кажется, мы прибыли. Наверное, об этой поляне мне и говорил дед. Что ж, будем делать лагерь здесь. Как вам понравился лес?

Ему никто не ответил.

– Ставим палатки, собираемся и идем, – продолжил он. – У нас будет еще три часа, чтобы разведать прилегающую зону. А завтра начнем замеры. – Он достал компас, открыл его и сразу закрыл. – Компас не работает, а это значит, что мы находимся в самой настоящей аномальной зоне.

– И ни одного животного, ни насекомого, ни птицы, – вдруг добавил я.

– Вот-вот, это и есть аномальная зона. Кстати, ты, Джон останешься здесь с нашим врачом. Надо будет развести огонь и приготовить что-нибудь на вечер. Справитесь?

– А я когда-нибудь пойду с вами? – немного с обидой спросил я.

– Завтра. Будем меняться, сегодня твой черед.

Через час были поставлены три палатки, но хотя они были и большие, рассчитанные на трех человек, кому-то десятому придется спать вчетвером в одной из них в тесноте. А может Джерри оставит кого-то на дежурстве?

Наконец все ушли, а мы с Бетти, так звали нашего врача, остались смотреть им вслед.

– Как тебе это место, Джон? – повернулась она ко мне.

– Честно говоря, пугает. Но я же в такой экспедиции первый раз.

– Я уже не первый, но все рано пугает. – Она поднялась. – Готовить я умею, а тебе придется позаботиться о дровах, их надо будет немало.

– Вокруг один лес, – усмехнулся я. – Притащу, сколько надо, даже с запасом. – Я взял топорик.

– Только не отходи далеко, помнишь, что говорил Джерри? Это серьезно. Старайся всегда видеть поляну, дальше не углубляйся.

– А мне и этого хватит. – Я направился в сторону, откуда мы пришли.

Сначала я просто сносил в кучу сухие ветки, потом стал понемногу углубляться в лес. Он не был ни темным, ни дремучим, но чувствовал я себя в нем почему-то с какой-то необъяснимой тревогой.

До предполагаемого возвращения группы оставался какой-то час, и я пошел за последней веткой. Выдернув ее из под поваленного дерева, я потянул ее к поляне, ветка была тяжелая, и мне приходилось иногда останавливаться.

В один из таких моментов я оглянулся и не поверил своим глазам: поляны не было, вернее, я ее не видел. Бросив ветку, я отбежал сначала влево, а потом вправо. Везде, до куда доходил мой взор, виднелся просто лес.

– Чушь какая-то! – У меня кольнуло сердце.

Я вернулся к поваленному дереву, из-под которого я вытащил эту злосчастную ветку, но не нашел и его.

– Бред! – остановился я. – Не могло же мне все это присниться? – Я сделал небольшой круг и вернулся туда же. Поваленного дерева не было, а след по земле от ветки, которую я тащил, был. По нему я и дошел до ветки.

– Бетти! – не выдержав, крикнул я, она должна была быть от меня метрах в пятистах, а то и еще ближе. Но в ответ я услышал только свое собственное эхо.

Вдруг мне что-то капнуло на голову, потом еще и еще. Я посмотрел на небо, и к своему удивлению увидел над собой дождевую тучу. Такого точно не могло быть, в этот день небо было безоблачным, и, нося ветки к костру, я любовался чистым ясным солнцем.

Все же я пробежал еще метров триста по направлению, где должна была быть поляна, но вокруг был только лес, исковерканный и монотонный.

Мое сердце билось как никогда, оно готово было выскочить, но хуже, наверное, было голове, она-то видела поляну, все время видела, а тут вдруг один лес и никакого просвета.

Я не знал, что делать, куда идти и кого звать на помощь. Незнакомый участок леса, легкий дождик, и лишь одна знакомая ветка, которую я уже почти дотянул до поляны. Надо было о чем-то думать, придти к какому-то решению, что-то делать. Я просто потерялся там, где не потерялся бы и пятилетний пацан. Сев на ствол какого-то дерева, я закрыл лицо руками. Странно, – почувствовал я, – здесь все странно. Я просто сел на дерево, а ощущение было, будто я опустился на какой-то мягкий диван. Дальше стало еще интереснее, я просто почувствовал себя комфортно, уютно, а мысли и тело постепенно расслаблялись. Я зевнул, чувствуя, что скоро просто засну, и мне казалось, что сон, который я увижу, будет прекрасным и радостным. Я уже чувствовал, как медленно опускались мои веки, что мне становилось хорошо и тепло. Наконец, глаза закрылись, и я, наверное, заснул.

Глава 2. Незнакомое место

Я открыл глаза и несколько минут осматривался. Я сидел просто на земле, облокотившись о какой-то плоский камень, а передо мной шла широкая тропинка, видимо по ней часто ходили, потому что кроме дорожной пыли на ней не росла ни одна травинка.

Где-то очень далеко рос лес, судя по всему, он был старый, деревья, хоть и издалека казались огромными. Этот лес рос странно, будто по какой-то границе, не переступая ее. Повернувшись вправо и немного сдвинувшись на тропинку, я пытался проследить, куда же она идет. Я увидел небольшую гору, вдоль нее и шла тропинка. Вернее, горой ее трудно было назвать, ее склон был пологим, а до хребта я бы долез за десять минут. Если бы не выступающие тут и там камни, я бы принял ее за простой холм, который казался издалека зеленым, видимо на нем росли небольшие деревья.

— Где я? — сразу же спросила я себя. — Уж точно не в том лесу, куда мы пошли с экспедицией. И где же сама экспедиция, где тот лес с вывернутыми деревьями?

Неожиданно из-за камня, на который я упирался, показался мужчина и остановился как вкопанный. На вид ему было около пятидесяти, небольшая светлая борода, голубые глаза и удивление на лице.

Наконец, он сделал шаг вперед и что-то спросил. Язык был абсолютно мне неизвестный, слова были какие-то растянутые и певучие.

— Где я? — сразу же задал я ему вопрос, но тот непонимающе на меня смотрел. Я понял, что мы разговаривали на разных языках, и оба друг друга не понимали. Это было странно, мой язык понимали почти во всех странах мира.

Мужчина не уходил, а просто внимательно меня оглядывал. Наконец, он сделал мне жест, чтобы я поднялся, я потом помахал рукой вперед. Я понял, что тот хотел, чтобы я последовал за ним. Мне это было очень кстати, ведь я же не собирался сидеть у тропинки до ночи.

Мы прошли минут десять, и я разглядел, что на склоне действительно росли небольшие деревья, а в некоторых местах были даже видны крыши обычных домов. Они были почти плоские, с небольшим скатом назад. Заборов не было. Мужчина подошел к обычному деревенскому домику, вокруг которого лежало много пней, засохших распиленных деревьев, столбы и даже доски. Он открыл дверь и пропустил меня вперед. Дом был заставлен мебелью, а на полу стоял недоделанный деревянный стул.

— Плотник, — сразу оценил я обстановку.

Он указал мне на стул, приготовил какой-то напиток и около пяти минут жестикулировал. Наконец, я понял, что он просит, чтобы я остался тут, а он скоро придет. Я согласно покачал головой и тот вышел. Моя рука коснулась стула, и неожиданно я понял, что это никакое не дерево, а просто похожий неизвестный искусственный материал.

Странно, но я не увидел в доме ни одной лампочки, я обошел все три комнаты. Третьей была, по виду кухня. Вдоль самой длинной стены стояли прямоугольные, непохожие друг на друга ящики, на одном из них лежала грязная одежда. Я присел и подумал, что это могло быть стиральной машиной, а другие ящики тоже несли какую-то неизвестную мне функцию, многие имели дверцы, и я открыл одну из них. На меня тут же повеяло холодом, и я понял, что это был холодильник.

Значит, где-то была и плита, а может и другие необходимые в жизни бытовые приборы. Чтобы убедиться, я начал искать розетки и шнуры, но не нашел ничего.

— Странно, — подумал я, — ни лампочек, ни электропроводки....

Зато в каждой комнате в потолке я заметил большие отверстия, которые были закрыты каким-то матовым стеклом. — Может это и есть свет? — почесал я затылок, — только, как и где

он мог включаться? И, на чем, интересно, работали те кухонные приборы, ведь я не нашел ни одного подключения?

Все остальное было обычным. Большая кровать, только матрас какой-то странный, – я пощупал его руками, – какой-то неизвестный материал, на синтетику не похоже. В спальне стоял обычный шкаф, а в главной комнате – диван. Все было обычным, но все же, кое какие детали были немного странного вида и формы.

Боясь, что хозяин застанет меня за этим занятием, я вернулся на свой стул. Напиток был вкусным и освежающим, я даже не разобрал, из каких фруктов он был сделан.

Прошел, наверное, час, когда я услышал еле уловимый свист, а в комнату вошел хозяин. Он показал мне рукой на дверь, и, выйдя на улицу, я увидел совсем недалеко от дома странный аппарат. Он походил на маленький двухместный вертолет, только без лопастей. Я понял, что прибыли за мной, и неуверенно направился к аппарату. – Может он на воздушной подушке? – подумал я.

Молодой мужчина вылез из кабины, и видимо со мной поздоровался. Молча, я протянул ему руку, но он ее не пожал, а просто легонько хлопнул меня по плечу, показывая на другую дверь.

Я вернулся к хозяину и тоже подал ему руку, но он тоже только хлопнул меня по плечу и что-то сказал. Странно, и у хозяина, и у пилота на лицах было заметна какая-то доброжелательная мягкая улыбка.

Я забрался в это чудо техники, и она сразу же поднялось и взмыло ввысь.

Только с высоты полета я сумел разглядеть ландшафт. Тот далекий лес шел, оказывается, вдоль огромной расщелины. Она была широкая и очень глубокая, я не увидел ничего на ее дне. А вот та горка, где росли маленькие деревья и жил плотник, постепенно снижалась и наконец, я увидел просто невообразимое ровное пространство. Только вглядываясь очень далеко, мне показалось, что где-то там, в конце опять начинались горы или лес.

Прямо под нами шли какие-то строения, но это были не жилые дома. Настоящие здания, огромные ангары, а иногда и высокие трубы были больше похожи на какие-то заводы или фабрики, и именно туда мы и свернули.

Мы мягко приземлились у одного аккуратного трехэтажного здания. Не знаю, из чего оно было выстроено, явно не из дерева, его облицовка показалась мне каким-то пластиком, а может это был просто какой-то синтетический раствор, но выглядело все очень прилично и добросовестно.

Оказывается, нас уже ждали. Едва войдя в дверь, предо мной предстали два человека, одетые в какие-то пластиковые полупрозрачные комбинезоны, под которыми были надеты белые халаты. Первой была женщина, наверное, моего возраста. У нее были светлые волосы и смешная челка, и она улыбалась. Вторым был мужчина, похожий на какого-то профессора, с небольшой бородкой. Он был сухощав, тоже улыбался, но улыбка была более сдержанной, чем у женщины. И у него не было профессорских очков. Кстати, у обоих были тоже голубые глаза, как и у меня.

Видимо, они поздоровались со мной, слегка хлопнув меня по плечу.

Я понял, что здесь рукопожатие было неприято, вместо него просто хлопали по плечу. Надо было и мне научиться делать также.

Наконец мы тронулись по широкому коридору, и все втроем вошли в лифт, который располагался близко к середине. Он мне показался беззвучным, но то, что мы спускались вниз, я понял сразу, причем спускались на большой скорости. Выйдя, я опять увидел коридор идеальной чистоты с дверями во множество комнат, в одну из которых мы и зашли. Обычная идеально чистая светлых тонов, комната не имела лампочки, наверное, ее заменяло в потолке квадратное непрозрачное, почти матовое стекло. Кроме стола и трех стульев в ней ничего не было.

Профессор, как я его назвал, почтительно показал мне место на стул, а сам с женщиной уселся за стол, он был широкий и длинный. Только тут я задумался, что за все время нашего пути оба из тех, кто сейчас сидел передо мной, не вымолвили ни слова, но в лифте, женщина один раз посмотрела профессору прямо в лицо и он как бы кивнул.

Неожиданно я почувствовал или уловил, состояние было более чем странное, что от мужчины ко мне в голову как-то вошел или просто переместился вопрос: Кто вы?

Я повернулся к нему, и, видя, что он смотрит прямо мне в глаза, неуверенно произнес:

– Человек. – Я пожал плечами. – А вы кто? – Тут же спросил я. – Вернее, где я нахожусь, хоть на каком континенте? – Оба, сидевшие напротив, переглянулись.

– Мы не понимаем ваш язык, – опять уловил я в голове беззвучное послание. – Но вы же нас понимаете?

Я просто кивнул.

– Кое-что мы тоже распознаем из ваших вопросов и мыслей, но для начала вам все же нужно выучить наш язык, или вам – наш. Я думаю, раз вы у нас в гостях, вам выгоднее заняться именно нашим языком. Но это быстрое дело. А нам сначала надо хотя бы знать, с какой вы планеты, созвездия и галактики. Вы меня понимаете?

В комнате было тихо, но каким-то образом его вопросы я понимал, понимал дословно. Но что означало, из какой я галактики, понять я не смог.

– Мы же на Земле, правильно? – начал я. – Я пошел с экспедицией в Аланский треугольник, а там просто исчез, а очутился здесь, не знаю где.

– Что такое Земля, какое созвездие и галактика? – очень вежливо невидимо переспросил он, то есть это появилось в моей голове.

– Планета называется Земля, – почему-то усмехнулся я, – солнечная система, близко Марс, Венера, Сатурн, Юпитер, – я пытался выдать все мои астрономические знания из школы, а галактика называется, по-моему, Млечный путь. – Я искоса глянул на него. – А где вот я нахожусь, вы мне не можете сказать? Кстати, забыл, возле моей планеты крутится и другая, совсем близко, Луна.

В этот момент женщина поднялась и вышла из комнаты.

– Извините, – улыбнулся профессор, – Кариديна должна выяснить некоторые детали из вашего ответа, а я пока отвечу на ваш вопрос. Мы находимся на планете ХМ-361/3, я вижу, вы неважно разбираетесь в космических координатах, поэтому я просто назову вам галактику, это Клепомия, если вам это название что-то говорит.

Я отрицательно покачал головой, такого названия я никогда не слышал.

– Ну, да ладно, – пронеслось в моей голове, – надеюсь, Кариديна нам что-то полезное принесет, но у меня к вам есть два вопроса, вернее просьбы. Я уже вижу или чувствую, что вы, естественно не с нашей планеты, и не из нашего созвездия, с галактикой определимся позже. Раз вы очутились у нас неизвестным образом, нам надо установить хотя бы основной контакт, а для этого потребуются две непродолжительные процедуры. – Он вздохнул. – Да, и, наверное, вам самому хочется вернуться домой, так что это в обоюдных интересах. Первое, вас положат на кровать перед экраном, подключат датчики, и вы быстро выучите наш язык. Может и у вас такое есть, тогда я зря объясняю. И в то же время вы должны будете пройти медицинское, включая и психиатрическое обследование. Это тоже не займет много времени, но мы по вашему коду будем знать, откуда вы и где вы были до вашего сотового колена, и не заражены ли каким-либо опасным вирусом. Как вы думаете, это логично?

Я задумался и кивнул. Я прекрасно понимал профессора, у нас бы сделали то же самое и в первую очередь, конечно на какой-нибудь военной засекреченной базе.

– А сколько это займет времени? – спокойно спросил я.

– Времени, это в каком смысле?

– Ну, не знаю, дней или недель, – какой еще мог быть смысл в слове времени я не понимал.

– Извините, но пока я вас не понимаю, – профессор вдруг задумался.

– Но вы же сами сказали, что займет немного времени? – удивился я.

– Я не знаю этого слова или понятия, просто ваш мозг подобрал это слово к тому, какое я хотел сказать.

– Насколько я уже начал понимать, вы разговариваете со мной телепатически, просто запуская в мою голову информацию или вопросы. Моего языка вы явно не знаете, поэтому так же телепатически считываете информацию с моей головы, не обращая внимания на звуки или слова, которые я вам передаю. Пока что было все нормально, но мое слово время вы даже телепатически не можете понять. Это так? – Мне стало интересно.

Неожиданно в комнату вошла Каридияна, и, подойдя к профессору, положила перед ним какой-то маленький полупрозрачный кристалл.

– Кстати, – я почему-то обрадовался ее приходу, – мы ведь не познакомились. Меня зовут Джон. Девушку или, извините, женщину зовут Каридияна. Кстати, необычное и длинное имя. Можно я буду называть вас упрощенно, ну, например, просто Кари? – я посмотрел на нее. – И вашего имени я тоже не знаю, – обратился я к профессору.

– Рудельфандрий, – появилось у меня в голове, а мужчина улыбнулся.

– Извините, но это имя еще длиннее, а можно попроще, например, Рудольф, или Руди?

В голове появился отчетливый знак согласия.

Тем временем, из стола выехала какой-то хитрый квадратный аппаратик, который, оказывается, раскрывался, вернее, снималась крышечка. Руди вставил вовнутрь кристалл, и вытащил из стола типа миниатюрных наушников с дугой, но одел он их необычно, дуга, как и у всех легла на голову, но сами наушники, если это были они, а не какие-то датчики круглой формы, прижались к его вискам. Он что-то нажал и закрыл глаза. В комнате наступила тишина.

Только минут через пять он открыл глаза и, как бы восторгаясь, первым делом посмотрел на Кари, притом с затяжкой, будто что то ей говорил или спрашивал. Я наблюдал этот бессловесный диалог и поражаюсь: надо же так! Без слов, мимики, вести беседу и притом очень быстро. Единственное, что я смог увидеть в их глазах, это какой-то сильно возросший интерес, наверное, ко мне, или просто очень большое любопытство.

– Джон, пойдете с Каридианой, или с Кари, для вашего удобства при вас я тоже буду ее так называть. Обе процедуры, о которых я вам говорил и вы согласились, начнете немедленно. Не волнуйтесь, я буду в курсе дела и иногда буду вас навещать. А сейчас мне нужно срочно отлучиться по вашему делу, так что, извините. – Он встал из-за стола, подошел ко мне, хлопнул меня по плечу и направился к двери.

– Ну что, пойдете? – улыбнувшись, сказал я Кари вслух, почему-то она мне сразу хорошо упала на душу, да и симпатичной ее тоже можно было назвать, а ее смешная челка только забавляла.

– Пошлите, Джон, – поймал я ее мысль в голове. – Нам опять к лифту и на другой этаж.

Скорее всего, мы немного приподнялись на лифте из глубины ближе к поверхности, но выйдя из лифта, я увидел копию предыдущего коридора. На этот раз комната, куда мы вошли, была похожа на солидный исследовательский центр и была раза в четыре больше другой, откуда мы прибыли. Куча аппаратуры, а посередине стоял огромный аппарат, похожий чем-то на наш томограф, внутри был подстелен матрас, покрытый белой тканью, а по всей длине тела всю эту конструкцию опоясывали широкие круги из какого-то серебристого металла. Я делал томографию один раз в жизни, меня положили тогда на плоскую кушетку и задвинули как в какой-то астрономический тубус, обшивка которого вскоре завер-

телась, как мне показалось, с бешеной скоростью, а я с замирающим сердцем лежал внутри всего этого и прислушивался.

Этот аппарат чем-то походил на тот томограф, только на нем было столько кнопок, каких то мигающих огней и разных приспособлений, что мне показалось, что он покруче любого нашего космического аппарата. К тому же, прямо к потолку напротив, где, по-видимому, должна будет лежать моя голова, был прикручен огромный абсолютно плоский экран, будто для того, чтобы лежать, и пока меня обследуют, смотреть телевизор.

Я и не услышал, как в комнату вошла молодая девушка и подошла к нам.

– Джон, – сказал я и слегка хлопнул ее по плечу.

– Лисиразначия, – уловил я в голове, – и она так же хлопнула меня.

– Боже! – подумал я, – зачем выдумывать такие сумасшедшие для запоминания имена. – Может, у них просто нет фамилий, а только такое неповторяющееся имя? – А можно я буду звать вас покороче? – спросил я. – Например... – я задумался. – Лиси или еще лучше Лиза?

Та улыбнулась, и я почувствовал положительный ответ.

Около минуты Лиза и Кари смотрели друг на друга, я понял, что сейчас они просто общаются, наверное, Кари объясняла той, что со мной надо делать. Потом Кари повернулась ко мне и у меня в голове просто скопился поток информации, я не успевал его раскладывать по полочкам. Она успела объяснить, что я буду лежать в этом аппарате, мне будут проводить медицинское обследование, и в тоже время меня подключат к телевизору, таким образом, я буду учить их язык. Это в общем, но объяснила она мне все в самых мелких деталях, я просто не успевал расставлять их по полочкам.

– Джон, вы все поняли? – поймал я ее вопрос.

– Почти, но дальше будет видно. А сколько это все займет времени?

– Какого времени? – она удивилась.

– Ну, – я развел руками, – как быстро....

– Быстро, – улыбнулась она и, хлопнув меня по плечу, направилась к выходу.

– Раздевайтесь, – услышал я в голове Лизу, – полностью. И ложитесь на этот матрас. Она нажала какую-то кнопку, и он выехал вперед.

– Полностью? – не поверил я. – Тогда вы хоть отвернитесь. Но там внутри даже простыни нет укрыться.

– Я отвернусь, но прежде мне надо поставить на вас все датчики, – улыбнулась она, – на все тело и на все части тела. У меня такое ощущение, будто вы стыдитесь своего тела.

– Нет, – замялся я, – но если бы это сделал мужчина..., хотя ладно, делайте что хотите.

Я недовольно скинул все, что на мне было, и повернулся к ней. В руке она держала небольшую коробочку с какими-то маленькими круглыми бумажками, как конфетти, к тому же с одной стороны они клеились, к чему попало. Вот она и клеила, а я просто жаждал посмотреться в зеркало, ведь эти разноцветные датчики просто разрисовали меня в какого-то клоуна. Она лепила их везде, и в один момент я еле сдержался и закрыл глаза, Лиза лепила свое конфетти на все мои половые органы, даже на яички. Никаких проводков не было, значит, система была типа нашего WI-FI. Наконец, экзекуция закончилась, и я лег на мягкий матрас. Напоследок девушка вставила мне в уши два маленьких кружочка или шарика, типа наушников, и только после этого я уехал вовнутрь, стенки и люк автоматически закрылись и я почувствовал себя в какой-то космической ракете. Единственное, что было видно, это экран над головой, и через пару минут он включился.

Глава 3. Незнакомое место

Внутри было тепло и удобно, а на экране стали появляться всякие изображения. Каждое длилось около секунды, но в ушах я слышал какое-то новое слово, и память, как ни странно, подхватывала его и засовывала куда-то вглубь. Изображения были разные: палец, потом солнце, дерево, глаз и так далее, никакой системы я не уловил, а просто смотрел на экран и слушал звучание слова в ушах. Часто я видел странные неизвестные мне предметы, но память укладывала и их изображение, и название в глубины своих архивов. Так прошло около часа, и экран потух, как и звук в ушах, наверное, моей голове давали отдых. Я высунул шарики-наушники из ушей и ничего не услышал. Не знаю, если оболочка вокруг моей космической ракеты и вращалась, то абсолютно бесшумно. Стало немного скучно, и я задумался, не сон ли это. Еще недавно я находился в лесу с корявыми стволами деревьев, а сейчас.....

Приблизительно через полчаса экран опять засветился, и я вставил шарики в уши, они были мягкими и не мешали. Странно, но между новыми предметами, появляющимися перед моими глазами, попадались и старые, которые я уже видел, но при их показе звук пропадал, а я поймал себя на мысли, что беззвучно сам повторяю их названия. Странно, но сама память без малейших трудов вытаскивала их из головы.

Я уже потерял счет времени между изображениями на экране и получасовыми отдыхами, когда неожиданно люк открылся, и я выехал наружу. Сразу присев я огляделся. В комнате было еще три новые девушки, а на столе неподалеку я увидел кучу разных пробирок, маленьких и разных цветов. В одной белого прозрачного цвета мне показалось, что там была кровь, и я удивился. Кровь могла быть только моею, но, как и когда ее взяли я не заметил и ничего не почувствовал.

Ко мне подошла Лиза и поставила передо мной небольшой пластиковый поднос, на нем стояли размером со спичечный коробок разноцветные коробочки, на полненные чем-то, типа нашего желе, и было видно, что все они были разными. Рядом лежало несколько палочек, по-видимому, вместо нашей ложки. В центре стояли тоже пластиковые, похожие на наши стаканы, емкости с налитыми жидкостями.

– Ешьте и пейте, – уловил я мысль Лизы. – Все натуральное, не беспокойтесь.

Я действительно был голоден, и, взяв палочку и первую попавшуюся коробочку с розовым желе, принялся есть, все девушки в это время внимательно на меня смотрели. Вкус был приятный, фруктовый, но ничего мне не напоминал. Справившись с первой, я взялся за вторую, уже с другим вкусом. После третьей Лиза подошла ко мне, и я понял, что с желе уже хватит. Я выпил два стакана разного сока, но тоже не понял, из каких фруктов они были сделаны.

– Джон, вы не хотите избавиться от лишней жидкости? – беззвучно спросила она.

Я улыбнулся. Легче было бы спросить, хочу ли я в туалет. Я отрицательно покачал головой.

Потом я опять заехал в свою ракету, так я ее обозвал, и все повторилось. Странно, но я почувствовал, что мой желудок заполнен так, как будто я только что вышел из ресторана после обильного ужина, даже потянуло на сон. Но я старательно смотрел на экран и запоминал слова. К тому времени их скопилось в моей голове тысяч десять, но как ни странно, они все удерживались, не улетучивались и хорошо запоминались.

Сцены на экране немного изменились, и некоторые длились уже несколько секунд, хотя услышанное в наушниках слово было одно: показывались какие-то действия, один давал что-то другому, тот брал, кто-то просто шел по дороге, или надевал обувь. Я понял, что пошли глаголы, но они так же легко запоминались. В принципе, методика была проста,

только я удивлялся одному, как моя память все это удерживала. Но не только это. На экране я видел изображение, в наушниках слышал звучание слова, но всегда внизу экрана это слово было написано жирным шрифтом и состояло из отдельных очень для меня странных букв. Не замечая, я ассоциировал звук из слова с буквой, и это тоже запоминалось.

Наконец, после нескольких перерывов, я действительно захотел в туалет, и так прямо и сказал Лизе. В этой комнате, или зале, в стене была небольшая дверь, к которой она меня и подвела. Я вошел и сразу же на потолке зажегся свет, но он был каким-то искусственным, ни одна наша лампочка или прожектор не давали такой свет, вернее свет такого цвета или оттенка. Посредине комнаты стоял унитаз, это был просто удобный каменный стул без спинки, с большим отверстием посредине. Я сделал свои дела, а когда встал, услышал шум воды, какая-то зеленая жидкость падала как водопад в унитазе, очищая все. Только сейчас я заметил в углу маленький умывальник немного странной формы, на нем были кнопки, я нажал одну и подставил руки. Но вместо воды из носика крана появился сильный напор пара, и я отпрянул. Потом, я все же почувствовал, что сам пар был теплый, а другие кнопки, наверное, регулировали его температуру. Подставив руки под струю пара, я почувствовал, как он оседает на них, образуя водяные капли, и те стекают с ладони. Все это мне показалось странным, но в течение нескольких минут я искал кнопку, которая все выключает и случайно нажал одну, после чего почувствовал из крана струю теплого, немного погорячей воздуха, и, подставив руки быстро их высушил.

– Как все просто, – удивился я, – только вот никакого мыла не было. А так – все разумно и компактно.

Выйдя наружу, я все-таки спросил Лизу:

– Мне понравилось, только мыла не нашел.

– А что такое мыло?

– Это такая твердая щелочь, которая помогает смывать грязь и все бактерии, – я был удивлен, что она не знала такого простого.

– Наверное, что-то наподобие этого находится в паре, которым мы моем руки, зачем же иметь его отдельно?

Я почувствовал себя глупо. Значит, пар шел уже с каким-то веществом или жидкостью, типа мыла. Странно, но довольно умно. Я залез обратно и процедура продолжилась. Я не был специалистом в хронометраже, но когда я, наконец, выехал последний раз, мне показалось, что прошло около десяти часов, хотя на пару часов я мог ошибаться в любую сторону. – Десять часов пролежать в ракете глядя телевизор, и при этом, даже не заснув, было для меня невероятным достижением.

Лиза подала мне халат, похожий на наш банный, и поставила рядом мягкие, как войлочные тапочки.

– И это все? – Удивился я. – И куда сейчас?

Я двинулся за ней. На этом же этаже мы вошли в другую маленькую комнатку, где стояла кровать, тумбочка, стул и стол. В стене я увидел маленькую дверь, наверное, в туалет. На столе стоял какой-то аппарат, похожий на нашу микроволновую печь, и Лиза открыла дверцу. Я заглянул вовнутрь и увидел аккуратно разложенные спичечные коробочки с разными желе и стаканчики с соками.

– Да уж, – почесал я затылок, – тут быстро похудеешь. Может, принесут настоящий ужин? Бифштекс, например.

– Отдыхайте, Джон, – Лиза посмотрела мне в глаза. – Завтра продолжим. Кстати, вот кнопка, если что понадобится, вызывайте не думая. И не волнуйтесь, вы не замёрзнете, и вам не будет жарко, все контролируется автоматически, согласно потребностям вашего тела.

– Спасибо, – неожиданно сказал я на ее языке. Я запомнил это слово сегодня с экрана.

– Пожалуйста, – вдруг выговорила она, расплывшись в улыбке. Я впервые за все время услышал ее мягкий голос. – А вы хороший ученик, – продолжила она вслух.

Что такое ученик, я уже знал, а слово хороший еще не видел на экране, прилагательные я еще не проходил, но я ее и так понял. Я легонько хлопнул ее по плечу, она меня тоже, а когда за Лизой закрылась дверь, я просто сел на стул.

Вся мебель в комнате была чем-то похожа на нашу, но в то же время и сильно отличалась: и отделкой, и формой, и материалами. Ничего деревянного не было, все было сделано или из какого-то пластика, или вообще из неизвестного мне материала. Даже мой халат был вроде из натуральной ткани, но сильно отличался способом производства самого материала. Да и эта натуральная ткань не была похожа не на хлопок, и не на ситец, не на шелк тоже.

Я еще долго сидел и думал о своей жизни, и вообще о том, куда я попал. То, что это другая планета никак не укладывалось у меня в голове, хотя все говорило за это. Но люди по своему виду были идентичны нашим, правда они использовали другие технологии, повыше, наверное, и вообще было неизвестно, что у них в голове. И что будет со мной? Пока они меня изучают, обследуют, и учат их языку, а что потом? Это знали только они.

Я лег на кровать и расслабился. Есть и пить вообще не хотелось, будто за обедом я съел целую жареную курицу. Так, постепенно, я и заснул.

Следующий день мало чем отличался от предыдущего, но в памяти отложилось даже больше слов из их языка. Я не понимал, что происходит, память у меня была самая обычная, и я часто забывал о простых вещах, а тут она будто впитывала все как губка, не теряя при этом ни одной капли. К тому же, я автоматически запоминал даже буквы из слов, вернее их изображение и звучание. Потихоньку во время перерывов я пытался разговаривать с обслуживающими меня и мою ракету девушками на их языке. Если чего-то не хватало, я старался заполнить паузу жестами, и с удовлетворением заметил, что делаю реальные успехи. Девушки мне отвечали вслух, и я очень многое понимал, и даже сам изъяснялся на новом для меня языке.

Насчет медицины было немного странновато: никто не заставлял меня открывать рот, да и вообще меня никто не касался, видимо те датчики-конфетти все делали сами.

Сидя после всех процедур опять в своей комнате, и почти засыпая, меня вдруг осенила мысль: я ни разу за день не сходил в туалет, и никакой тяги не было. Такого просто не могло быть, и я решил нажать на кнопку вызова. Буквально через пару минут в комнату вошла одна из девушек, я уже с ней был знаком и дал ей имя Тина, ее настоящее полное и длинное имя давно вылетело из моей головы.

– Здравствуйте Джон, – произнесла она с порога вслух, это слово я прекрасно знал. – Чем могу вам помочь?

Я улыбнулся. Мы разговаривали с ней наяву без всякой телепатии.

– Тина, можно я задам вам один щекотливый вопрос? – я пересел на кровать, а ей показал жестом на стул.

– Конечно, – она присела.

– Сегодня я пил и ел как всегда вашу еду и жидкости, но ни разу не сходил в туалет, и даже не чувствую такой потребности. Почему?

Видимо вопрос был специфичен, потому что Тина перешла на телепатию.

– В туалет ходят для выброса ненужных предметов жизнедеятельности, – моя голова воспринимала ее мысли и переводила их мне на мой родной язык. – А у нас таких предметов нет, поэтому, мы редко пользуемся туалетом, лишь иногда, когда много пьем жидкости.

– Как это? – не понял я. – Что-то же должно оставаться?

– Ничего. Те кубики, которые едите мы и вы – это чистейший экстракт необходимых для организма калорий. В них нет вообще ничего лишнего, и небольшая порция дает вам заряд на весь день. А жидкости? Это тоже экстракт из разных фруктов. Если вы пьете, напри-

мер норму, два-три стакана в день, оставшаяся в организме лишняя жидкость выводится из организма через потоотделение, тем более, ее совсем мало, вы даже не замечаете, как ее выводит ваш же пот. Вот и все, а что в этом странного?

– Что? – удивился я. – Все странно. Видимо вы добились высокой технологии в производстве еды и напитков. Теперь я понимаю, почему мне перед сном не хочется ни есть, ни пить. И что, ни одна полезная молекула какого-либо фрукта при переработке не теряется?

– Ни одна, – она улыбнулась. – Кстати, вы можете попытаться съесть десять кубиков подряд, но не сможете, ваш же организм вас и остановит чувством перенасыщения.

– Но, для чего-то у вас все же есть туалеты? – не унимался я.

– Во-первых, это специальный исследовательский центр, куда попадают, как и вы, существности из других планет, а во-вторых, иногда, но редко, жидкость не полностью выводится через пот, если кому-то иногда приходится работать в специальном прохладном помещении.

– Спасибо, Тина, – задумался я, – вы объяснили мне все просто и быстро, просто, если я инопланетянин, на нашей планете нет еще таких технологий, мы пользуемся туалетом очень часто, извините за подробности.

– Что вы, Джон, – она перешла на речь, – рада была вам помочь. Если что, вызывайте, не стесняйтесь.

Всего я не понял, но общий смысл ее слов до меня дошел. Я похлопал ее по плечу, а когда та вышла, просто лег спать.

Шли дни, но я не мог отдавать себе отчет, что творится снаружи, стоит день или ночь. Я считал, сколько я спал или сколько раз лежал в своей ракете, глядя на экран на потолке.

Однажды я понял, что медицинское обследование я закончил. Утром ко мне пришла Лиза и принесла мою одежду, в которой я был еще на Земле. На этот раз она заговорила телепатически, может куда-то спешила.

– Можете одевать все это, если хотите, Джон. Все образцы ваших вещей взяты на анализ, все вещи прошли анти бактериологическую обработку. И медицинское обследование тоже закончено.

– И что сейчас? – с тревогой спросил я.

– Язык. Над вашей кроватью повесят тот же самый экран, а в уши вставят мини-динамики. Чем быстрее вы окончите курс обучения, тем яснее станет ясна ваша судьба. Вы же сами в этом заинтересованы?

– Конечно, – я развел руками, – только вам как мне кажется, не хватает понять, что очень важно и практическое обучение, то есть, чтобы какое-то время я мог с кем-то общаться на вашем языке, тогда все будет быстрее.

– Естественно, – она улыбнулась. – Я вам оставлю Тину. Вызывайте ее, когда хотите, в любой момент.

– А она что, живет здесь? Или когда Тина отдыхает, будет приходить другая?

– Нет, только Тина. У нас нет распорядка дня, мы спим, когда хотим, а можем и не спать. Сон не является нашей прямой необходимостью.

– Не может быть, – не поверил я. – Вот вы, Лиза если работаете долгое время, то ваша голова, или просто мышцы должны уставать, это так естественно.

– Мы можем просто отключиться немного, – она задумалась, – просто, как бы впасть в транс, и это заменяет долгий сон. Но вам, Джон, пока этого не понять. Так что Тина к вашим услугам в любой момент. Мы с вами еще увидимся, – она хлопнула меня по плечу и вышла.

Действительно, через полчаса вошла Тина, неся тот же самый экран из зала, я бросился к ней на помощь.

– Не надо, Джон, – вслух попросила она, – я сама все сделаю. Но я все-таки выхватил из ее рук огромный экран, и встал как вкопанный, он весил как кусок тонкого картона или толстой бумаги, это было невероятно.

– Джон, – попросила она, – лягте на кровать и говорите мне, где лучше вам на него смотреть. Сама она просто встала на стул и поднесла картон к потолку. Невероятно, но он сразу же к нему прилип. Она глянула сверху вниз и сдвинула картон немного в сторону. Он был как примагничен к потолку, но ей не стоило никаких сил его двигать.

Я лег на кровать, и уже через минуту Тина спустилась со стула.

– Вот динамики, не забудьте про них, – улыбнулась она.

– А как вы его подключите? – спросил я.

– Он уже подключен и настроен. Как только вы вставите динамики в уши, он включится, а когда вытащите – выключится.

Я поспешил попробовать и действительно, все было, как сказано.

– Ну, и технологии у вас! – я почесал затылок. – Ни источника питания, ни проводов, будто все делается по велению волшебной палочки.

– Я пошла, – она хлопнула меня по плечу, – занимайтесь, а в перерывах, или когда хотите, вызывайте меня, я всегда рядом.

Тина ушла, а я несколько раз попробовал фокус с телевизором, пока не понял, что все это действительно работает так, как оно есть. Наконец я улегся и продолжил обучение.

Так прошла еще неделя, судя по дням, когда я погружался в глубокий сон. В конце, неосознанно я заметил, что делая вслух какие-то комментарии во время отдыха, разговариваю не на своем, а на их языке, и это стало для меня открытием. Я почувствовал, что конец моей учебы подходит к концу. Кроме самого языка, на экране я видел и кусочки их жизни, какие-то строения, природу, людей и многое другое. И хотя это длилось всего секунду, все это откладывалось у меня в голове. Половины я не понимал, но были и изображения, которые я уже видел на Земле, или очень похожие на них.

Однажды, когда я позвал Тину и начал засыпать ее кучей вопросов о ее планете и просто об их быте, привычках, она мгновенно остановила меня.

– Постой, Джон, это не в моей компетенции все, что находится за пределами твоей досягаемости. Я, например, отвечу тебе на все, что ты видишь вокруг себя, и я уже отвечала. Все остальное мне запрещено по инструкции, для этого будут другие люди, и, как мне кажется, очень скоро, ведь твои успехи с языком налицо. Потерпи немного, скоро все узнаешь. – Она говорила это вслух, и я почти понимал все, кроме нескольких слов.

– А меня ждет что-нибудь плохое? – задал я нейтральный вопрос на ее языке.

– Не думаю, ведь ты у нас гость, и мне кажется, что редкий. Не волнуйся, продолжай, и скоро появятся для тебя очень много новостей.

После этого разговора я частенько ее вызывал, а когда она приходила, мы, бывало, разговаривали по два часа и только на ее языке. Она же меня и поправляла, и подсказывала.

Глава 4. Новые знакомства

В один день с утра неожиданно появилась Лиза.

– Ну, что, Джон, надеюсь, вы справились с заданием, поэтому давайте разговаривать только на нашем языке. Конечно, если будут какие-либо непонятные или сложные термины, мы перейдем на телепатию, но лучше делать это реже. – Проговорила она вслух с порога.

– Лиза! – Я встал. – Я действительно очень рад тебя видеть. – Странно, но в их языке не было различия между ТЫ и ВЫ, но некоторых я называл так, а других по-другому, все равно они меня понимали. На их языке существовало лишь одно слово, ТОТ, им я и пользовался, хотя в уме, в зависимости от персоны, разделял людей на уважительное отношение, и дружеское. В данный момент я считал Лизу другом. – Ты что, меня куда-то уводишь, а может, даже переводишь?

– А разве тебе здесь плохо? – улыбнулась она. – Нет, пока не перевожу, это будут решать другие люди, и к ним мы сейчас и направимся. Старайся разговаривать на нашем языке, ну а если что, они будут применять телепатию, то есть, читать твои ответы прямо из твоей же головы. Ничего не бойся, это будет просто первой беседой.

– А что, будут и другие?

– Еще сколько! Ты у нас – редкий гость.

Естественно, я заволновался, предстоящая беседа также очень интриговала меня. Одевшись, мы вышли в коридор, потом зашли в лифт и опустились еще глубже под землю. По другому коридору мы подошли к большой двойной двери, и Лиза открыла, пропуская меня вперед. Я очутился в большой светлой комнате, посреди которой стоял огромный круглый стол со стульями. За столом сидели восемь человек, и два стула пустовало.

– Иди, садись, – шепнула Лиза, – на любой стул, я тоже сяду рядом с собой.

Неуверенно я подошел к столу и опустился на стул, за мной последовала Лиза. Передо мной было семь мужчин разного возраста, и одна женщина, не считая Лизу. В комнате повисла тишина, я заметил, как все меня разглядывают, причем с каким-то неестественным любопытством, а я просто обвел всех взглядом и уставился на середину стола.

– Наверное, сначала нам нужно представиться, – услышал я твердый мужской голос и поднял глаза. Это сказал пожилой мужчина с серьезным твердым лицом и выступающим подбородком. – Разрешите это сделать мне. – Он сделал паузу и продолжал. – Вас зовут Джон, как мы уже знаем, для нас это редкое имя, как для вас редки наши длинные имена. – Я понял, что ему уже доложили, что до этого я всем давал короткие имена на свой лад. – Но по закону гостеприимства, я назову каждого, а вы скажете, как бы хотели их называть, после этого мы и продолжим наше общение. Меня, например, зовут Кардитрофероменом, я из межгалактической ассоциации по контакту во вселенной. Как вам удобней меня называть?

Я понял, что этот мужик здесь самый старший и прилетел откуда-то. Его ассоциация мне ничего не говорила, но его вид и тон голоса говорили сами за себя.

– Шишка, – подумал я, а вслух сказал: – если я назову вас Карл, вы не обидитесь?

– Карл, – вдруг рассмеялся он, – пусть буду Карл, даже интересно. У вас все имена состоят из четырех букв?

– Не, не все, есть и другие, но лишь чуть подлиннее. Кроме того, к имени у нас добавляют и фамилию, типа имени рода, от которого ты идешь. Поэтому полная идентификация всегда состоит из двух или трех слов.

– Ладно, продолжим, – сказал он, и представил следующего. Я уже запутался с их настоящими именами, и теми, которые я им давал, зато, в конце концов, узнал, что присутствуют какой-то советник правительства этой планеты, главный психиатр и психолог планеты, языковед тоже из галактической ассоциации, кто-то из военных, хотя его называли

советником по охране планеты от внешних угроз, советник по здравоохранению, образованию, и последней была женщина, ее представили как председателя духовной общины.

– Трудно запомнить всех, – признался я, – даже имена. Но почему такое важное представительство из всех областей, даже из галактического центра? Неужели моя простая персона вам так нужна или просто интересна?

– Отвечу, – сразу сказал Карл, я запомнил только его короткое имя и женщины, я назвал ее Люси. – И то, и другое. В галактиках много планет, откуда изредка к нам попадают их представители. Не скрою, кое-кто из наших тоже исчезал. Кстати, – он задумался, – нам пришлось поднять кучу галактических информационных архивов, чтобы к счастью обнаружить, откуда вы здесь действительно появились. Это – удача, ведь упоминания о вас есть только в древней базе данных.

– Но я же назвал и планету, и другие.....

– Эти названия дали вы сами, у нас все называется по-другому. Как простой пример, наше созвездие в ассоциации называется как ХМ-361/3, а вот на вашем языке оно звучит как созвездие Плеяд, если таковое еще не переименовали. Вам что-нибудь это говорит?

– Извините, – я опустил голову, – я слаб в астрономии. Моя планета далеко от вашей? Сколько времени....

– Так значит, у вас до сих пор существует время? – вдруг удивился Карл. – Вы что, еще не перешагнули этот барьер? Когда-то, это мы прочитали в старинных записях, вы придумали время, делили год на месяцы, недели дни и даже часы с минутами и секундами, я правильно называю эти термины? Извините, но нашим людям пришлось много покопаться в архивах, и правильное звучание этих слов я не гарантирую. Хотя, судя по сохранным данным, очень-очень давно у нас с вами были хорошие связи и крепкие отношения, ваши люди бывали у нас, а наши – у вас. Только если перевести это на ваше время, это был период миллионов лет назад, не скажу даже сколько.

– Как, – не понял я, – у вас нет времени? Нет дней, лет, даже часов? – Что-то мне это не верилось, вернее не укладывалось в голову.

– Джон, пространство и ваше время находятся в одной точке, времени нет, поверьте мне. Хотя ладно, не будем заострять на этом ваше внимание. Как же вы к нам попали, вот в чем главный вопрос. Вы же закрыли на вашей планете два своих главных входа и выхода на ваших полюсах, то есть, отреклись от вселенной. Понимаю, тогда вам угрожала опасность, но по нашим астрофизическим сведениям, которые нам пришлось достать за эти дни, ваши полюса, вернее входы и выходы до сих пор закрыты.

Я вообще не понимал, о чем он говорит.

– Наверное, и это не редкость, какие-то змеиные тоннели и остались, но они должны быть очень тонки, хотя пропустить одного человека и смогут.

– Какие змеиные тоннели? – не выдержал я. – Извините, но в этом я тоже слаб.

– Как какие? – опять удивился Карл. – Те, которые вы закрыли на полюсах, по которым, складывая пространство можно из одного созвездия очень быстро попасть в любое другое место во вселенной. Но прямого тоннеля у нас с вами нет, мы проверили, значит, вы попали в один, очень узкий на вашей планете, потом вас перебросило в другой, и так далее. В конце концов, вас нашли недалеко от одного нашего не центрального, но важного входа на эту планету. Только так я могу объяснить ваше появление. – Он откинулся на стуле.

– Может быть, – неопределенно сказал я. – Если бы я сам знал, как тут очутился. Я был на своей планете в лесу, потом как бы растворился в пространстве, а очутился здесь, возле протоптанной дорожки.

– Пока остановимся на этой версии, – задумчиво сказал Карл, – единственное, что я не вижу пути вернуть вас обратно точно на вашу Землю. Отсюда-то мы вас отправим, но куда приведут вас пересечения и раздвоения змеиных тоннелей, даже я не могу предска-

зять. С другой стороны ваше появление нас очень интересует, вернее вы и ваша планета. Раз мы долгое время были с вами в такой крепкой дружбе, хоть и очень давно, почему бы ее не возобновить? Странно, что вам не предлагали вступить в нашу ассоциацию. – Он замолк.

– Можно мне вопрос? – вперед выдвинулся советник по здравоохранению. – Мы провели свое исследование. Конечно, информации много и всякой, но одно поражает, откуда у вас прослеживается ген из созвездия ХМ-598/3х?

– Именно, – опять вступил Карл, – я просто забыл об этом. То, что у вас есть наш ген – сейчас не удивительно, ведь когда-то мы дружили, и вероятно у вас были более глубокие связи с кем-то из жителей нашего созвездия. Но другое созвездие? По-вашему оно называется или называлось раньше Альфа Центавра. Какое отношение вы имеете к нему?

Это название я слышал, из газет или по телевидению, но что я мог ему ответить?

– Мне трудно сказать, – я положил руку себе на лоб, – вы же сказали, что связи вашего созвездия и нашей планеты были миллионы лет назад, но я не прожил еще и пятидесяти лет. Я понятия не имею, откуда у меня ваш след, а тем более с Альфа Центавра тоже.

– Насколько я понял, вы говорите о теперешней вашей жизни. А что было в прошлых?

– В каких прошлых? – не понял я.

Наступило молчание. Но меня выручила Люси.

– Не нападайте так сразу на человека с другой планеты, – мягко сказала она. – Мы еще ничего не знаем ни о нем, ни о его планете. Той информации, которую удалось найти, миллионы лет, за это время все могло перемениться десять раз. Да, он слаб в астрономии и видимо никогда не вспоминал свои прошлые жизни. Нам надо просто помочь ему, и тогда и он, и мы сами узнаем много нового, интересного и полезного. Может сейчас их мир в отдельных отраслях и науках слаб, но может быть силен в других. Джона надо хорошо изучить, причем каждому из нас. Его прибытие, это с одной стороны дар Всевышнего, мы можем наладить контакт с его планетой и даже, если условия благоприятны, пригласить их в нашу ассоциацию, сразу видно, что он не из черных сил. Я в чем-то не права?

– Нет, ты права, – улыбнулся вдруг Карл, – это я насел на бедного человека, пытаюсь выжать из него как можно больше информации. Кстати, – он повернулся ко мне, – вы не проходили регрессивную терапию?

– А что это? – уныло спросил я.

– Тогда понятно. Джон, мы хоть завтра можем вам ее устроить, это процедура, – он что-то пытался просчитать в уме, – займет примерно восемь ваших часов, если математика мне не изменяет. Трудно перевести безвременное пространство во временное, хорошо, что хоть и старый, но материал в архивах о вашей планете все же сохранился. Только это должно быть обоюдным согласием. Вы должны быть за это, и тогда завтра же все и сделаем.

– А хоть что это такое? – немного испугался я. – Хотя бы вкратце.....

– Вас подключат к аппарату, который свяжет ваш мозг с Информационным полем. Вы просто уснете, а когда проснетесь, вспомните очень много из вашего далекого прошлого.

– Далекого? – Я задумался. – То есть, вы сторонники того, что человек живет много раз, у нас это называют реинкарнацией, так?

– А разве у вас есть противники этого? – удивился Карл.

– Есть, – грустно усмехнулся я, – даже больше чем сторонников. Лично я не отношусь ни к тем, ни к другим, я просто не знаю чему верить. Ладно, я согласен, давайте попробуем.

– Лиза, – он посмотрел на мою соседку, – займись этим. Я специально задержусь у вас, чтобы здесь снова встретиться. Надеюсь, разговор будет более плодотворным, хотя я и сейчас доволен. Человек с Земли, – он поднял подбородок и посмотрел на стену, – это действительно редкость. Кстати, на будущее, ваша планета проходит по нашим регистрам как Цети-21, или просто Цети. Вы называли, к примеру, Марс, а он у нас Цети-11, но по послед-

ним данным после катастрофы он разрушен, хотя кое-кто еще и остался под землей. Так что имя Цети теперь полностью принадлежит только вам.

Он уже почти начал подниматься со стула, когда меня прорвало:

– Я понимаю вас, что вам интересен я и моя планета. Но подумайте сами, как интересна мне ваша планета, просто ваша жизнь. Если когда-либо я и вернусь на Землю, или на Цети, что я там расскажу? Что провел время, отвечая только на вопросы в каком-то подземном исследовательском центре, и видел десяток людей, похожих на нас? – этот вопрос вырвался у меня самопроизвольно.

Карл сел и задумался.

– А ведь он прав. Врага он нам не представляет, наоборот, больше потерпевшего или просто гостя. Его планета когда-то дружила с нашей, и по моим предчувствиям сейчас она находится на более отсталом витке развития, если не ошибаюсь. Надо быть гостеприимным. Вот что, Лисиразначия, позаботься о нем. Покажи ему несколько документальных фильмов о нашей планете, вид сверху, снаружи и изнутри, ну, те, которые мы показываем нашим еще маленьким детям. Там нет ничего плохого, наоборот, это расширит его мировоззрение. А потом я уверен, что Джон сам походит по нашей земле, познакомится с людьми, а может даже и останется подольше, если к тому времени мы не найдем пути вернуть его обратно. Мы всегда рады гостям. К сожалению, он из третьего измерения и оставить его у нас навсегда – запрещено.

– Конечно, – кивнула Лиза. – Сколько угодно.

Карл, наконец, встал. – Тогда до встречи, и спасибо тебе, Джон. – Он подошел и похлопал меня по плечу, я сделал то же самое. Другие тоже подходили, и мы похлопывали друг друга. Наконец в зале остались я и Лиза.

– Ну, как? – сразу же спросил я.

– Карлу ты, несомненно, понравился, – улыбнулась она. – Да и разговор шел почти полностью на словах, лишь иногда ты не замечал, как из твоей головы все-таки черпали дополнительную информацию, если чего-то не понимали, или твое слово мало что объясняло. Для первого знакомства ты был на высоте. – Она положила мне руку на плечо и тихонько его сдвинула. Это был явно какой-то жест, но на всякий случай я сделал вид, что ничего не заметил.

– Что ж, – сказала она у двери, когда мы выходили, – значит, завтра ложись на регрессивную терапию. Не бойся, в течение всего времени я буду рядом, просто иногда всплывают не очень хорошие воспоминания, но я буду на чеку.

Мы добрались до моей комнаты, и Лиза пошла дальше.

Назавтра она зашла за мною раньше обычного. Я быстро оделся, и мы вскоре опять оказались в большом зале, где я провел лежа больше недели, но на этот раз не было экрана на потолке. Вместо него, с того же потолка прямо у переносицы в меня упирался тоненький неестественно яркий, как лазерный луч света. Мой матрас несколько раз сдвигали, пока луч не попал в какую-то нужную точку.

– Третий глаз! – с улыбкой вспомнил я. – Индусские женщины клеят на это место маленькие кружочки. – Мне положили мягкие распорки вдоль всей головы, видимо, чтобы я не мог ею пошевелить. В таком положении я закрыл глаза, и у меня кольнуло сердце. – А вдруг это все – правда? Реинкарнация, предыдущие жизни, даже воспоминания о них. Ладно, – вздохнул я, – будет, что будет. – Закрылся люк и я остался в полной темноте, лишь лазерный лучик упорно светил мне прямо в лоб, чуть выше переносицы.

Неожиданно, из белого он превратился в фиолетовый, оставаясь таким же узким. Я просто лежал то, открывая, то закрывая глаза, пока они не начались сами слипаться. Еще пара минут, и я погрузился в глубокий сон.

Глава 5. Регрессивная терапия

Неожиданно я открыл глаза и увидел абсолютно чистое голубое небо, на нем не было ни облачка. В скором времени надо мною склонилось что-то или кто-то, и мягко улыбаясь, бережно взяло меня на руки. Я ничего не знал и не понимал, но почему-то улыбнулся. Потом я видел себя как бы со стороны пацаном лет двенадцати. Вокруг растиралось огромное поле с ярко-зеленой травой, лишь какие-то огромные каменные валуны выше меня раза в три были редко разбросаны, что уже удивляло, ведь гор не было даже и близко, лишь очень далеко виднелся какой-то лесной массив. По полю бродили мальчики и девочки, им было от десяти до пятнадцати лет на первый взгляд. Я тоже ходил, как и они, разыскивая что-то в густой траве. Наконец, я увидел маленького новорожденного, лежащего прямо на траве. Склонившись, я постелил небольшую пеленку, аккуратно положил на нее малыша и завернул его. Помню, как я был счастлив в тот момент. Я нес его к одному месту, там лежало несколько похожих свертков, и три девочки за ними присматривали. Оставив своего младенца, я тут же отправился на поиски нового. В моей голове сидело только одно внутренне понятное задание, не пропустить и найти всех малышей, кто мог оказаться на поле.

Странно, все, что я видел, было похоже или на простые фотографии, которые что-то запечатлевали, или на обрезки какой-то видеозаписи, или на короткометражный фильм. Я понимал, что вижу события в той очередности, как они происходят, но не одним фильмом, а кусками или частями. Разрывы были большими. Например, я понимал, что когда я очнулся и увидел голубое небо, я был новорожденным, а склонилась и забрала меня какая-то девочка. Следующие фото и видеокадры показывались, когда мне было не менее десяти лет, значит, этот десяток показан не был и попросту был пропущен. Может он был не так уж важен?

Следующей шла как бы видеозапись. Я чувствовал себя парнем лет восемнадцати, и просто ходил по тому же полю, никого не искав. Неожиданно, возле одной каменной и высокой глыбы я увидел опирающуюся об нее изумительно красивую молодую девушку, она стояла лицом к солнцу с закрытыми глазами. Потом шла сцена бурной и горячей любви и первый интимный контакт.

Неожиданно видео прервалось, и я очутился просто в космосе с каким-то стариком. Он оказался моим учителем, и мы свободно перемещаясь по вселенной, заглядывали в разные созвездия и на планеты. Я без усталости задавал вопросы, а тот терпеливо отвечал и объяснял мне многие истины в рамках вселенной и ее составляющих. Он был стар, с бородой и длинными волосами, я четко помнил, вернее, видел его лицо.

Вообще, все, что я видел, было настолько правдоподобно, что умея, я рисовать, я бы написал уйму картин со всем, что видел до мельчайших деталей. Все видения были четкими и резкими.

Мы долго летали в космосе, я не чувствовал времени, но следующий эпизод перенес меня совсем в другое место. Я прекрасно понимал, что с учителем мы летали значительно дольше, но, как и в начале, или в других местах, пленка была, как бы обрезана в каком-то месте и начиналась новая.

Я видел свою маму, двор и дом, в котором мы жили. Много песка вдали, и папа, возвращавшийся поздно. Я спросил маму, что помню зеленую планету и старика учителя, когда и что это было?

— Отец вселенной создал и оставил тебя на первой планете с зеленой травой, а потом отправил тебя учить вселенную, и когда курс обучения был окончен, Создатель переселил твою душу в того маленького ребенка, которым я тебя и родила. Ты еще маленький, и многие воспоминания еще свежи в твоей голове.

Я вспомнил один день, когда началась песчаная буря и люди сбегались в одно место, куда приземлялись большие летающие машины, похожие на вертолет, и забирали людей, детей в первую очередь. Все засыпало песком, на площадке стояло около трех сотен жителей, а вертолет забирал всего тридцать человек. Я видел слезы на маминых глазах, когда она передавала меня по рукам в вертолет, а рядом стоял отец, в его глазах была безысходность, он как бы чувствовал, что их уже не смогут забрать, ведь вертолеты почти уже вязли в песке.

Потом я очутился на темной планете, видимо вертолет доставил нас туда. Солнца не было, лишь сильные прожектора освещали небольшую территорию планеты, на которой вместились бы сотня домов, не больше. Люди ставили палатки, а я ходил и звал маму и папу. Наконец меня забрал к себе в палатку какой-то военный, он же меня и устроил работать в спасательную службу, когда я вырос. Планета оказалась лишь искусственно построенным для научных целей базой, но вскоре последовала помощь, и большие, просто громадные вертолеты стали привозить к нам строительную технику и материалы. Началась стройка, дома лепили друг к другу, но они были высотой в три-четыре этажа вверх, и еще три под землей.

Опять оборвался кадр, и я увидел свою новую планету. Она была наполовину застроена, но все уже были обеспечены квартирами, а сама планета стала мини городом, со школами, парками, учреждениями. Незастроенной оставалась лишь третья часть, но там продолжала работать техника.

Мужчина, взявший меня в палатку, стал мне как родной отец. Он был строг, но справедлив. Уже работая спасателем, я узнал, что произошло в прошлом. Мы жили в созвездии Альфа Центавра, а та планета, где я жил с родителями была самой большой в созвездии. Но оказывается, что и в космосе есть песчаные бури, и на планете знали, что одна из них пройдет вдалеке от планеты. Но случилось непредвиденное, буря резко свернула прямо к планете. Сейчас, судя по рассказам, она была полностью засыпана песком и непригодна для жизни.

– Вот так, – грустно сказал мой начальник, – из пятого измерения попали в четвертое. – Я уже знал об измерениях, рассказы старика учителя не прошли даром.

– А почему в четвертое? – спросил я.

– В связи со случившимся горем почти у всех упал уровень вибраций до четвертого измерения, слишком много горя, печали и потерь.

Кадр прервался. Я стоял у вертолета и грузил на него людей, но уже с Марса, там случилась катастрофа, Марс столкнулся с другим гигантским объектом, а мы эвакуировали людей. Вертолетов было много, многие планеты послали на Марс свою помощь, но наш вертолет перевозил людей только на Землю, хотя другие более мощные корабли и вертолеты уносили людей к ближайшим созвездиям, на планеты, где марсиане могли бы жить.

Марсиане были очень похожи на нас, но вокруг стояла такая обстановка, что я с напарником не приседал ни на минуту, он был моего же возраста. Командир и пилот размещали марсиан внутри вертолета. Это была жуть! Кровь, куски тел, крики и слезы....

После того новый кадр, я с моим напарником в центре реабилитации, на абсолютно неизвестной планете. В себя мы приходили очень долго, насмотревшись ужасов на Марсе.

Командировки на другие планеты, но названия не вспоминались, зато чего я только не навиделся, каких разумных существ не насмотрелся. Неожиданно я вспомнил слово Плеяды, значит, я и тут был, может не на этой самой планете, но был. Очень коротко.

Потом объявление о вселенском эксперименте. Местом была объявлена Земля, заданием – вспомнить, кто мы есть на самом деле и прожить жизнь по нашим же правилам. Трудность: полная потеря памяти по прибытии на место. Существует смерть, не так как в пятом или четвертом измерениях, но по просьбе дается следующая жизнь, и так до бесконечности. Кто справится, вернется домой с почетом и внесет вклад в опыт целой вселенной. Участие в эксперименте – добровольное.

Вижу, как разговариваю с начальником, и он машет рукой, будто, отпуская куда-то надолго. Совсем маленькая смешная и старенькая летающая тарелка, безумной красоты девушка за табло управления, как биоробот, тряска, голубое небо и удар. Вылезли и осмотрелись. Тарелка врезалась в песчаный обрыв на берегу океана, наверное. Девушка собирается улетать, оставляя меня одного, горечь предательства и ее слова: – Джон, ты же сам на это согласился.

Тарелка улетела, я остался на Земле. Быстро встреченное первобытное племя чернокожих людей, вместо оружия – простые палки. Охота и собирание плодов, и, наконец, первая смерть. Моя душа разрывается на части, я ничего не вспомнил и не сделал никому на Земле ничего хорошего. Пожалуйста, дайте еще шанс! Дали, родился в другой стране, природа похожая, племя более развитое, с копьями из камня и с каменными топорами. Жил долго, охота, бил рыбу в реке копьем, случайно сорвался в обрыв и убится.

– Отец!!! – рвалась моя душа, поднявшись над землей, – я ничего не вспомнил и не сделал, кажется все так просто, только дай мне еще шанс!

Так и пошли жизни. Слуга у фараона в Египте, старый больной дед, прячущий в хлеву двух раненных, война, убили в восемнадцать лет в первом бою, лихой пацан с гармошкой в какой-то деревне, писарь при какой-то церкви, и последняя, семнадцатилетняя девушка, зарезанная в подъезде женихом из-за ревности.

Все. Жизни показали явно выборочно и кратко, некоторые просто были, как бы отпечатаны на единственной фотографии, другие показывали подольше, последняя была как короткометражный фильм и наконец, я очнулся весь в слезах. История с девушкой даже заставила меня плакать. Подожди, – как бы услышал я в голове, – не хватает около двухсот жизней, закрой глаза, мы покажем тебе потерянные, но многие больно тебя заденут: убийство, пьянство, работорговля. Есть и про любовь и другие хорошие и интересные, много обычных.

– Нет, – заворочался я, – с меня хватит и этого. Боже, неужели все так и было? С первого момента? На сон не похоже, здесь все было в деталях, все то, что успели показать. Сны, всегда смытые, и сразу же забываются, но я же помню все, от начала и до конца, я могу описать каждого из первого племени так четко, что будет виден, какой зуб у него был сломан. Около двухсот жизней.... Как много, и до сих пор я еще на Земле и проживаю какую-то, может двести вторую жизнь, а сколько еще впереди?

Я стер пот со лба и тяжело вздохнул. Мне показалось, что пролетело каких-то полчаса, но я увидел столько.... И мне всего этого уже никогда не суждено было забыть.

– Интересно, – пришла мне мысль, – в видениях всех жизней есть какой-то огромный провал. Африка, племена, они развиваются, старый Египет, кстати, с пирамидами и сфинксом, но без других известных храмов, а потом.... – Я присел. – Потом сразу же Европа, другой континент и совсем другая эпоха. По идее не хватало много жизней в Африке или после нее, если я действительно двигался жизнями географически последовательно, всматриваясь в детали. – Я решил опять закрыть глаза, и действительно быстро заснул. В Египетской истории я увидел фотографии, может еще пятидесяти моих жизней, которые не увидел в первом сне, но потом опять шла сразу же Европа, без Средиземного моря, римлян и так далее, но это была Европа, может просто немного севернее. Она дополнилась, может еще сотней фотографий. Но где же период между ними, Египтом с фараонами и Европой, начинающей всю развиваться? Насколько я помнил историю, мне сейчас не хватало лет пятьсот, если не тысячу, как раз 30—40 жизней. Их-то память ну никак не хотела вытаскивать из своих закровов.

Неожиданно люк или дверца открылись, и я выехал из своей ракеты, а через десять минут уже стоял одетый перед Лизой.

– Я хотела остановить терапию, – она вглядывалась в мои глаза, – приборы показали, что ты плакал где-то в начале и в самом конце. Тяжело тебе все далось, вспомнил? Ты находился внутри дольше запланированного.

– Неужели? – удивился я. – Больше восьми часов? А мне показалось, что от силы час.

– Только Карл разобрался в ваших часах, – вдруг рассмеялась она.

– Вспомнил многое, почти все, – неожиданно сказал я и опустил голову, – только не верится, сон это был или правда.

– Конечно правда, – она махнула рукой, – эта терапия еще никогда никого не подвела. Хотя думай, как хочешь. Хочешь отдохнуть или тебе включить пару фильмов?

– Нет, уж, – отмахнулся я, – мне и своих фильмов хватило по горло, хоть бы уснуть.

Действительно, уже в своей комнате лежа на кровати, я прокручивал все то, что увидел сегодня. Ни одна деталь не забылась, никакой мелочи не пропало. Вспоминая свою мать, когда она передавала меня в вертолет на спутнике там, в Альфа Центавра, я не выдержал и расплакался. Дойдя же до зарезанной девушки, на этот раз я не заплакал, но слезы выступили.

– Как хорошо, что мне не показали всего что было! – прошептал я. – Можно свихнуться от таких воспоминаний. А может просто моя память меня же и пожалела, не показав сначала очень многого, а потом просто обычные фотографии, то есть, как я выглядел. И еще, что я заметил, мужчиной я был гораздо чаще, чем женщиной. Может это оттого, что тогда в самом начале я родился мальчиком? – Ответа не было.

Я проворочался очень долго, даже вставал и ходил по комнате, а потом, наконец, уснул.

Глава 6. Продолжение разговора

Наутро, как всегда за мной зашла Лиза.

– Ну что, все вспомнил? – спросила она, пока я одевался. – Как ты догадываешься, к тебе будет много вопросов.

– Лучше и не вспоминал бы, – угрюмо сказал я. – Голова – как бубен.

Через десять минут мы уже входили в тот же огромный зал с большим круглым столом. Все было, как и в первый раз, все сидели на тех же местах, как и тогда. Поздоровавшись, мы с Лизой опустили на свои стулья.

– Как дела, Джон? – сразу же начал Карл. – Есть успехи? Ты что-нибудь вспомнил?

– Если эта терапия была реальностью, как и то, что мне пришлось вспомнить, то в моей голове просто архив информации. – Почему-то мне было невесело.

– Тогда не будем вдаваться в детали, просто расскажи нам, откуда в твоём ДНК есть следы от нашего созвездия и Альфа Центавра. Конечно, при расширенном анализе всплыли и другие следы, но начнем с этих.

Я задумался.

– Я вспомнил, что посещал какую-то из ваших планет, но сам я из созвездия Альфа Центавра, с искусственно созданного спутника, куда никогда не доходит свет ни от какого солнца. Там я дал согласие участвовать во вселенском эксперименте и меня доставили на Землю, где я прожил уже около двухсот жизней. Мне самому трудно поверить в это, но я все это вспомнил.

– Значит, Земля сейчас участвует в эксперименте? – Спросил другой мужчина, насколько я помнил, он был языковедом из галактической ассоциации, и прилетел сюда вместе с Карлом. – Когда я рылся в архивах и нашел информацию по Цети, я сразу же заподозрил, что ее создали для каких-то особых целей, с видом на будущее. Сначала притянули и поставили ее как раз на самое благоприятное место от солнца, потом появилась вода в океанах и реках, затем растения и животные. Людей поселили туда видимо после того, когда все было готово для безоблачного проживания. Да и в первой эпохе, которая была самой лучшей, можно сказать золотой, люди выглядели совсем по другому, как сгустки энергии, способные принимать любые формы. Этот период длился долго, и видимо, только их можно назвать коренными землянами. Все последующие эпохи были уже смесями разных цивилизаций.

– А вы тоже участвуете в эксперименте? – не удержался я.

– Конечно, только на другой планете. До Цети нам далеко, а таких искусственных объектов как ваша Земля в нашей галактике несколько десятков. Все они были созданы для эксперимента, хотя на многих разумные существа выглядят отнюдь не в человеческом образе.

– Значит, мое воспоминание не сон?

– Конечно же, нет, и вы нам дали важную информацию. – Карл выглядел довольным. – Если бы вы были так любезны и рассказали хоть вкратце, что вы вспомнили до того, как попали на Землю, все мы были бы вам очень благодарны. На деталях не стоит заострять внимание, только суть. – Все разом уставились на меня.

Я долго думал, рассказывать или нет, воспоминания были свежими, а потом подумал, что если этим людям что-нибудь пригодится, то почему бы не рассказать. Я вздохнул и начал, прямо с того момента, как какая-то девочка нашла меня в густой зеленой траве. Мой рассказ занял около получаса, но никто не вставил ни слова и ни о чем не спросил.

– А потом начались мои жизни уже на Земле, – сказал я, закончив мою космическую жизнь. – Я вспомнил многое, почти все, лишь один период где-то в тысячу лет так и остался неразгаданным. – Наконец я вздохнул и замолчал.

– Спасибо, Джон, теперь мы знаем о вас очень многое, о вас, как о сущности, созданной когда-то нашим Создателем, мы все прошли через это, только в разных местах вселенной. Остается только две загадки: откуда у вас есть ген нашего созвездия, и откуда у вас обнаружили ген другого созвездия, вы называете его Орион, про него в вашем рассказе вообще ничего не было.

– Я слышал про Орион, – вдруг вспомнил я, – в связи с построенными на нашей земле тремя огромными пирамидами, были даже гипотезы, что они прилетали к нам.

– Орион это сложное созвездие. Оно состоит из двух обитаемых планет, на одной живут человекообразные сущности, то есть люди, на другой же – ящурообразные. Первых мы называем белыми силами, это достойная цивилизация, других – черными, ящурообразные очень коварны, и сделали много плохих дел во вселенной. Нет, хотя они и похожи на ящуров, их интеллект и технологии даже немного выше их соседей, людей. Они рыскают по вселенной в поисках добычи, и у них нет ни кодекса чести, ни правил. В конечном счете, можно сказать, что они – наши враги, и не только наши, а всей Белой галактической ассоциации, куда входит и ваша Альфа Центавра тоже. Так вот, – он вздохнул, – у вас был найден и их ген, именно ящурообразных.

– Не может быть, – я подался вперед, – я бы хоть что-то помнил.

– Джон, – обратился ко мне другой мужчина, кажется советник по здравоохранению, – мы провели расширенное обследование, ни один миллиметр вашего тела не остался без внимания. Может, вы не верите в генетику, но что означает полоска кожи на вашей левой ноге, поверх ступни? Вы должны были бы это заметить.

– Полоска кожи? – удивился я и задумался. – Ах, да, у меня есть довольно широкая полоска кожи и именно там, где вы говорите. Сначала я думал, что это кожное заболевание. Она странная, шероховатая, будто кожа ящерицы. Мне она не мешает, но я часто тру ее пемзой, таким натуральным шершавым легким камнем, и она становится красного цвета, а потом все нормализуется.

– У ваших родителей этого нет?

– Понятия не имею. Хотя действительно странно, у моего сына есть такой же кусочек кожи, немного меньше, и именно в том же месте, как и у меня. – Я опять задумался. – И у внука тоже.

– Вот видите, – откинулся мужчина, – неужели вы не думаете, что это неспроста? Не только ваше ДНК, но и эта метка, так бы я ее назвал, доказывает, что контакт с ящурообразными у вас был. Но когда?

– Эти пропавшие тысяча лет, – вдруг пришла мне в голову странная мысль. – Мне ее не показывают, но может именно эта тысяча лет и связана с ящурами. Может, меня похитили и увезли на их планету, а потом вернули, или они прилетали на землю, и я с ними контактировал каким-то образом? – я оглядел присутствующих.

– Не исключено. У них есть способность стирать память у разумных существ, и они не раз этим пользовались. Мы же их тоже изучаем. – Советник по здравоохранению вздохнул, – пока версия Джона единственная.

– Пока да, – согласился Карл. – Давайте немного отвлечемся, ведь осталась последняя загадка, откуда у него наш след. Если он просто пару раз посещал нашу планету, никакого следа не осталось бы. Здесь что-то другое, может Джон сам вспомнит что-то еще. После вашей регрессивной терапии, как вы думаете, – Карл смотрел на меня, – сколько вам хотя бы примерно земных лет? Будем считать, что в вашей настоящей жизни вам сорок, а сколько вам всего лет с вашего первого рождения?

Я задумался, но начал говорить быстро.

– Двадцать лет я прожил на планете, где родился, но если она четвертого или пятого измерения, чтобы стать юношей, должно было пройти не менее пятидесяти тысяч лет. Потом

обучение, оно заняло, наверное, несколько тысяч лет, так мне кажется, может даже пятьдесят тысяч, если не больше, уж очень долго мы обследовали нашу галактику. Альфа Центавра? Около пятидесяти тысяч лет, там я повзрослел, а люди хоть и в четвертом измерении почти не стареют. Земля? Двести жизней по пятьдесят лет в среднем, это десять тысяч. Получается, – я задумался, – около двухсот тысяч, может сто восемьдесят. – Я почувствовал, что вспотел. – Невероятно, мне двести тысяч лет!

– Вы очень молоды, Джон, – вдруг рассмеялся Карл, – мне уже почти девять миллионов, а сколько бы вы мне дали?

– Пятьдесят, – ошарашено вымолвил я.

– Вот видите, что времени не существует, я могу прожить сколь захочу, и эти девять миллионов я сейчас вычислил только для вас, раньше я никогда об этом не задумывался. Ладно, – он махнул рукой, – давайте ближе к делу. Что мы знаем? Джон попал к нам с Цети, координаты ее установлены. И живет он там, в связи с экспериментом, хотя сам из Альфа Центавра. Значит, Цети включена в список планет для эксперимента. Генетика показывает смесь разных цивилизаций, но особо выделяются две, которые нам интересны: наша и ящуроподобных. Альфа Центавра объяснена, и у нас с ними очень дружеские отношения. – Он замолчал. – И это все, что у нас есть, пока есть. Но нужно гораздо больше. Нас интересует цивилизация, которая живет на Цети, все, что есть о ней. По двум причинам: раньше, очень давно, мы были хорошими друзьями и даже навещали друг друга, неплохо бы возобновить эти связи, но для этого надо знать, что там сейчас делается. И второе, раз Цети включена в эксперимент, было бы очень важно знать, как он идет, ведь за другими планетами мы следим, помогаем, и даже нам помогают. Сегодня я возвращаюсь обратно, но оставляю вам Джона. Пусть каждый из вас с ним поработает, после чего составит отчет о цивилизации Цети по своей специальности. Все ваши отчеты будут рассмотрены, и в базу данных попадет полная информация как о Цети, так и об их цивилизации. А уж после этого будем решать, связываться с ними или нет, наблюдать или просто отправить данные в архив. Всем все понятно? – Он встал.

Со всех сторон посыпались утвердительные возгласы.

– И последнее. Не будем забывать, что Джон наш гость. Покажем ему свое гостеприимство, сначала пусть он посмотрит несколько фильмов о планете, а потом мы можем поселить его прямо у нас, пусть общается напрямую, нам нечего скрывать. И, соответственно, постарайтесь отвечать на все его вопросы, сомневаюсь, что у него их будет мало. Кстати, кто первый заберет его и его дело под свою опеку?

– Давайте я, – сказал один из мужчин, – все-таки я представляю самый высокий уровень на планете, ее правительство, если это можно так назвать.

– Прекрасно, – Карл хлопая всех по плечу, уже направлялся к двери. – Не тяните, я жду ваш отчет с нетерпением.

Наконец в комнате остались трое, я, Лиза и мужчина из правительства. Он же и подошел ко мне.

– Джон, как вам будет удобнее со мной общаться? – спокойно спросил он.

– Извините, но я забыл ваше имя. – Мне стало немного стыдно.

– Оно длинное, но вы дали мне свое, короткое, не помните? Зовите меня просто Тони.

– Спасибо Тони. Где я буду жить сейчас, в той же комнатке?

– Мы можем перевести вас в другую, побольше. На саму планету мы вас выпустим, поверьте, но сначала надо с вами поговорить и вас подготовить, разве нет?

Я согласился.

– Тогда я скоро навещу вас, вскоре после того как вы проснетесь. Согласны?

Я кивнул, мы похлопали друг друга по плечу и он ушел.

– Лиза, – сказал я, – ты не могла бы напомнить мне, кто был кто, то есть, из какой отрасли или вида деятельности? Я запомнил лишь Карла, женщину Люси, и сейчас Тони.

– Конечно, – улыбнулась она. – Я тебя понимаю. За столом сидели восемь человек: советник правительства этой планеты, то есть Тони, главный психиатр и психолог планеты Джо, языковед тоже из галактической ассоциации Мики, советник по охране планеты от внешних угроз Лари, советник по здравоохранению Джим, образованию – Джек, и женщина председатель духовной общины Люси, так ты их всех обозвал. – Она вдруг рассмеялась.

– Смешно, правда? – улыбнулся я, – прилетает кто-то и всем меняет имена. Кстати, раз есть советник по здравоохранению, зачем нужен главный психиатр и психолог, разве это не одно и то же?

– Почти, да, только из специалистов на нашей планете больше всего психиатров-психологов, поэтому их выделили в отдельный отдел.

– У вас что, много сумасшедших? – не удержался я.

– Нет, просто на нашей планете очень тщательно следят за психикой жителей. Все остальное тебе расскажет Тони, вот увидишь. Кстати, вот тебе, – она достала из кармана халата три небольших камушка, или кристалла, протянув их мне, – это три фильма. Сегодня у тебя будет много времени, я бы на твоём месте посмотрела.

– А как ими пользоваться? – удивился я, разглядывая кристаллы.

– Очень просто. Берешь один, зажимаешь его в руке совсем ненадолго, а потом подносишь его на ладони под экран, не обязательно высоко. Фильм начинается, а кристалл можешь положить, где хочешь. Так же и с остальными.

– А выключить?

– То же самое, только не зажимай его в руке. Экран и кристалл реагируют на тепло, когда ты зажимаешь кристалл в руке, он чуточку теплеет, когда нет, он остается комнатной температуры.

– Ну и технология, – я почесал затылок, – а компакт дисков у вас нет? Для информации вы используете только кристаллы?

– Конечно. Эти, например, сделаны для детей и по одному фильму на кристалл. А так, на один такой кристалл влезет около пятисот фильмов.

Я положил кристаллы в карман, и Лиза вышла.

Оставшись один, я сразу же включил первый кристалл и смотрел минут десять. Фильм был о природе, но я отложил его и включил следующий, этот был о животном мире, а третий – вид планеты сверху, типа географии. Улегшись на кровать, я включил снова первый фильм и стал смотреть. Фильм был озвучен и я почти все понимал, но какие-то новые названия деревьев или цветов я откладывал в свою память. Смотреть было интересно, хотя обилие растительности мне показалось гораздо меньше, чем на нашей Земле. Высоких гор не было, да и вообще гор было мало, больше равнин и лесов. В одном месте камера прошла по небольшой местности и довольно быстро, и я услышал название: Поляна богов, заповедник. У меня сразу екнуло на сердце, я остановил запись и включил по новой, чтобы добраться до этого заповедника, хотя он сам показывался лишь несколько секунд. Как сумасшедший я повторил эту процедуру раз десять, а потом нажал на кнопку вызова.

Вскоре появилась Тина, и я попросил срочно прислать ко мне Лизу, у меня тряслись руки. Лиза появилась минут через десять.

– Как можно остановить кадр на этом экране? – без объяснений спросил я, даже не поздоровавшись.

– Так же как и выключить фильм, только надо поднести кристалл под экран быстро и сразу его убрать. Что-то случилось, Джон?

– Ты можешь мне остановить фильм на одном кадре, он недалеко от начала?

Я включил фильм, а Лиза держала на ладошке кристалл и терпеливо ждала. Когда появились кадры из заповедника, я почти крикнул: – Стоп! – Лиза быстренько поднесла ладошку под экран и сразу же ее убрала.

– Как удачно! – я схватился за голову. – Это именно тот кадр, который мне нужен. Сомнений нет, это – то место. Лиза, – взволнованно повернулся я к ней, – как хочешь, но срочно позови сюда Карла, пока он не улетел, это очень важно.

– Карла?! – У Лизы открылся рот. – Зачем, Джон? Для этого нужны очень весомые основания.

– Они у меня есть, зови. – Почти приказывал я.

Лиза немного подумала, но вышла.

Карл появился где-то, через час, и я облегченно вздохнул, что он еще не успел улететь.

– Что случилось, Джон? – серьезно спросил он с порога, Лиза тоже осталась внутри.

Я показал ему на экран.

– Сомнений нет, все сходится, это именно то место, где я родился первоначально. Я тыкал пальцем в экран, встав на стул. – Здесь складывали найденных детей, там виднеется далекий лес, а вот и тот самый валун, у которого я познал ту красивую девушку. Я не ошибаюсь, все в точности, как я видел во сне, или терапии, как вы его называете.

Карл следил за моим пальцем. Наконец, я выдохся и спустился со стула.

– Вот откуда у меня ген вашего созвездия, я родился именно здесь, и никто меня не переубедит.

Карл задумался то, глядя то на экран, то в пол.

– Может быть, – наконец, произнес он, – по преданиям когда-то очень давно здесь видели младенцев, а потом из этого места сделали заповедник, люди боялись сюда ходить, ведь найденный младенец казался им привидением. В чистом поле, где никто не жил, некоторые натыкались на младенцев и в панике убегали, никто не верил, что они просто падают с неба и именно в этой зоне. Сейчас, вернее уже давно туда ходила наша экспедиция, но никого не обнаружила. Видимо период младенцев закончился. Ты точно не ошибаешься? – он внимательно посмотрел на меня.

– Ни сколечко, – у меня до сих пор тряслись руки. – Я даже могу нарисовать вам расположение других каменных глыб, которые не попали в кадр, я помню все очень четко.

– Получается, что в какой-то период Создатель выбрал именно эту планету и это место, для созданных им младенцев. А потом переместился на какую-либо другую планету. Двести тысяч твоих лет назад, – вслух задумался он, – это примерно... Да, экспедиция была послана туда гораздо позже. Джон, ты сделал настоящее открытие и не только для себя. Кстати, надеюсь, что сейчас ты веришь, что терапия не была простым сном?

– Как тут не поверить? – я смотрел на экран, – мне даже кажется, что я чувствую знакомый запах травы, глядя на это место.

– Лисиразничия, срочно позови Тони, срочно. Пусть прилетит на самой быстрой машине. – Та сразу же вышла.

– А теперь расскажи мне о том, что не попало на экран, я хочу это срочно проверить. – Он сел на стул, а я на кровать, и задумался. Ему надо было дать конкретные координаты, но я не сомневался, что у них была своя метрическая система, и понятия метр они не знали. А может в шагах? Ведь шаги у нас почти одинаковые.

– Ориентиром может служить только тот валун в кадре, – вслух сказал я. – Если облокотиться на него лицом к солнцу, как стояла та девушка, примерно пятнадцать шагов назад и двадцать вправо будет лежать небольшой полукруглый камень высотой до колена, как бы вросший в землю. Он единственный на том поле, который похож на вкопанный в землю шар. – Я начал вспоминать еще валуны и камни, а Карл просто все запоминал, хотя, как

потом оказалось, он держал в зажатой руке маленький кристалл, на который записывал все, что я говорю. Через полчаса я выдохся.

– Деревьев там нет, на поле, а лес вдалеке различить трудно, но он должен там быть. В остальном все заросло травой, а глядя противоположно лесу, тоже очень далеко, не видно ни гор, ни леса. Я думаю, что десятка камней вам хватит для проверки?

– Вполне. – Карл был серьезен. – Если все так, ты сделал открытие не только для этой планеты и созвездия, но и для галактики тоже. Где же этот Тони?

Тони появился где-то, через полчаса.

– Вот тебе рассказ с ориентировками, полетишь сам в заповедник Поляна Богов, это недалеко, и проверишь до последнего валуна. – Он передал ему маленький кристалл. – Постарайся быстрее, дело важное.

Тот, молча, взял кристалл и вышел.

– Просто поразительно! – Карл взялся за голову, – что Создатель в какой-то момент выбрал это созвездие и эту планету. Выходит, ты Плеядец? – он покосился в мою сторону.

– Не знаю, в той терапии я считал себя с Альфа Центавры, ведь именно там я настоящему родился, имел родителей, жил в доме, потом работал и отправился на Землю на эксперимент. Это место на экране напоминает мне какой-то перевалочный пункт. Только поле и валуны. А кто же меня выкармливал? Не девочки же пятнадцати лет?

– Тебя мог кормить сам Создатель, и ты этого просто не замечал. Одна его энергия накормит всю нашу галактику. Может и перевалочный пункт, для того чтобы ты подрос, выучился со своим стариком учителем, а уж потом внедрить тебя в настоящее тело, то есть начать путь твоего уже сознательного рождения.

Мы еще долго разговаривали, более часа, когда в комнату вошел запыхавшийся Тони.

– Все соответствует, – сказал он с порога и оперся о стену. – Плюс-минус два-три шага.

– Спасибо, – вздохнул Карл и поднялся. – И тебе спасибо, Джон. Тони, идем, я все объясню тебе по пути, ты нам очень помог.

Я опять остался наедине, и единственной мыслью было то, что все во вчерашнем сне становилось правдой, а тем более такой самый давний момент моего появления на свет. Значит, совпадут и другие, значит все это правда.

Я опять улегся, включив фильм. Да, у нас разнообразие растительности было гораздо больше. Было очень много деревьев, похожих на наши, а некоторые я даже узнавал, а так же и растений. – Странно, – думал я, – как это может получиться, ведь мы так далеки друг от друга. Или семена растений летают в космосе и залетают на разные планеты, или, может быть когда-то, как они говорили, наши планеты дружили и обменивались кроме всего прочего и семенами. Большинство цветов было видно на огородах и участках, где, по-видимому, жили люди в простых несложных домах. Леса были какими-то естественными и чистыми, будто в них никогда не заходили и не рубили деревья. Было много и очень странных растений и деревьев, а так же плодовых, фруктовых и на кустиках в лесу показывали разные по цвету и форме ягоды, но ничего похожего с нашей планеты не было. Плодовые деревья тоже были странными, например, на одном я увидел самые настоящие яблоки, но висели они группками и все были ярко оранжевого цвета. Может вкус у них был настоящий, яблочный, но вид был странным. Первым, что я увидел из овощей, в точности как наши, были помидоры, они вообще ничем не отличались. Короче, было интересно посмотреть, но хотелось, и попробовать на вкус.

Фильм кончился и я расслабился. Почему-то мне пришла в голову мысль, что, судя по всему, эта планета гораздо развитее нашей, и не только технологически. Тот же самый растительный мир был более ухожен, девственен, упорядочен. Не было огромных полей, засаженных только пшеницей, наоборот, разнообразие растений на небольших участках впечат-

ляло. Казалось, что на одно поле росло все, что можно купить из овощей и фруктов в нашем супермаркете. Их сельскохозяйственная политика явно отличалась от нашей.

Наконец, я включил следующий фильм, про животных, и мне опять показалось, что наш животный мир гораздо богаче. Странно, я не увидел ни коров, ни овец, вообще никакого скота. Больше показывали диких зверей, но ни одно не было как на моей планете, кроме змей, но их было немного. Они спокойно бродили по лесам, выходили на поля и в заповедники. Заповедных мест было много, я различал их по отсутствию людей и каких либо посевов. Какой-то важный вопрос засел у меня в голове, но я его сразу же забыл. Фильм был интересен и просто обще познавателен. И тот и другой фильм снимали явно для детей, и озвучивание было простое и очень доходчивое, как на детском языке.

Наконец, я взялся за последний. Съемка велась видимо с орбиты планеты, может каким-то спутником. Я видел съемки планеты с орбиты, но она резко отличалась от Земли. Издалека она была практически полностью зеленого вида. Естественно, пустынь и горных массивов на ней не было. Но тут я вспомнил свой вопрос и внимательно следил за экраном. Спутник уже, наверное, вошел в атмосферу и планета приближалась. Вот что удивило меня: я не увидел ни синего, ни голубого цвета. Неужели у них ни рек, ни озер, ни океанов? Тогда, откуда же вода? Может все это есть, но лежит пластами внутри планеты, как и у нас, есть подземные реки и водохранилища? Это был вопрос. Тем временем спутник облетал всю планету, приближаясь все ближе и ближе. Неожиданно, наверное, в самом конце фильма, я увидел знакомую похожую тропу, возле которой я и очнулся. Но фокус был нацелен не на нее, а на тот глубокий обрыв. Оказывается, на самом его дне текла бурная, как горная река, не широкая, но полноводная. Съемка пошла вдоль нее, она доходила до какого-то озера, типа водохранилища, а потом текла дальше. Но самое интересное было то, что, съемка не отрываясь в конце концов дошла до того же самого места, откуда началась. То есть, река опоясывала планету обручем, нигде не начинаясь и не заканчиваясь. Потом, по-видимому, в другой местности точно так же показали еще один похожий обруч, и другая река так же текла в очень глубокой расщелине. Насколько я понял из сопровождения, больше на планете рек не было. Озер, морей и океанов тоже. – Скорее всего, – раздумывал я, – вода есть, но она очень глубоко, на уровне тех расщелин, а скорее всего и гораздо глубже.

Кроме географии, я осмотрел еще раз всю планету, особенно когда спутник приблизился, я увидел какие-то бесконечные ангары, похожие на завод, но без обычных труб, здания в несколько этажей и похожие на промышленные объекты. Их было немного, обычных одноэтажных простых домов было гораздо больше, но я не увидел ни одного города, только в одном месте был сконцентрирован десяток пятиэтажных зданий и все. Значит, городов у них или не было, или они скрывались под землей, как и это здание, где я сейчас находился, я даже не представлял, на какую максимальную глубину доходил лифт.

Перекусив желе и выпив стакан сока, я лег и уснул. Но проснувшись, мне стало скучно, и я нажал кнопку вызова. Тина появилась через минуту, словно ждала, когда я ее позову. Я показал ей на стул, а сам остался сидеть на кровати.

– Тина, извини, что я тебя позвал, но можно мы просто с тобой поговорим? – я с интересом наблюдал за ее реакцией.

– Пожалуйста, – улыбнулась она. – Вам скучно? Мне тоже, я уже закончила свою работу.

– Прекрасно, – я тоже улыбнулся. – Тогда можешь хоть немного рассказать о себе?

– Обо мне? – она явно удивилась. – А что именно вас интересует?

– Ну, например, тебе нравится твоя работа?

– Конечно, очень.

– А зарплата?

– А что это? – не поняла она.

– Деньги, которые тебе платят за работу.

– А что такое деньги?

Я даже вспотел.

– Такие бумажки. Их выдают за работу, и ты идешь в магазин и покупаешь на них себе продукты или одежду.

– Нам ничего не выдают, – она смотрела на меня растерянно, – а еду и одежду я беру просто по надобности. Никаких бумажек для этого не надо.

– Значит, у вас нет денег! – осенило меня. – А где ты берешь все, что тебе надо для жизни?

– Или в Сервисных центрах, или на выставках. Центры услуг, это такие большие ангары под землей, где все завалено продуктами или любыми вещами, там очень много обслуживающего персонала, и каждый старается обслужить тебя как можно лучше. Если я у него беру что-то, он горячо меня благодарит.

– За что?

– За то, что именно он меня обслужил, и я что-то у него забрала.

– А что ему-то от этого, раз у вас нет денег?

– Почет. – Ответ был очень коротким. – Тех, кто больше в почете уважают сильнее, хотя мы всех и так уважаем.

Лично я так ничего и не понял. Почет? Что с него возьмешь? Если бы давали какую-то премию, тогда ладно.

– А что ты можешь взять? – продолжил я.

– Все, что тебе надо. Еду, мебель, бытовые приборы, вообще все, что тебе надо для себя и для дома.

– А сколько?

– Столько, сколько тебе надо.

– Но откуда они-то знают? Ты можешь придти и набрать ворох одежды, или мешок фруктов.

– А зачем? – она меня явно не понимала. – Что я буду делать с ворохом одежды, если мне хватает совсем немного? А фрукты...., я же одна их не съем, они просто сгниют. Я беру то, что мне нужно на короткий срок, или может у меня что-то уже старое сломалось, тогда я беру новую вещь.

– Но все это записывают? То есть ведут учет?

– Никто ничего не спрашивает и не записывает. Просто тебя хотят обслужить на высшем уровне.

Я откинулся. Такой ситуации в своей голове я представить не мог.Пусти наших в людей в бесплатный супермаркет, за полчаса половина из них передерется, а другая вывезет все, что попало под руку, нужно это или нет. Но Тине я верил. Значит, они добились такого уровня, или просто у них нет нашей жадности и стяжательства.

– А что за выставки? – продолжил я.

– Это места, небольшие площади, куда люди приносят и оставляют излишки своего труда. А если им что-то надо, оттуда же забирают к себе домой.

– Как это? – не понял я.

– Например, у тебя большой сад с фруктами, они созрели и у тебя их столько, что и за месяц не съесть, вот ты и несешь все лишнее на выставку, там стоят кучи столов, ты оставляешь принесенные фрукты, и видишь, что кто-то оставил новый стул, а у твоего уже давно сломалась ножка. Вот ты и забираешь этот стул.

– И все бесплатно и не лимитировано?

– Как и в центрах услуг, просто здесь самообслуживание, но зато ближе к дому, таких выставок навалом.

– Но откуда появился новый стул? – наверное, я уже утомил ее. – Он же не зреет на дереве.

– У нас все занимаются только тем, к чему лежит душа. Какой-то плотник для души просто сделал за день два красивых стула, но у него полно своей мебели, вот он и относит стулья на выставку.

– Ладно, Тина, – я виновато на нее посмотрел, – просто я из другого мира и мне многое у вас не понятно. Не сердись за такую кучу вопросов и спасибо тебе огромное. – Мы похлопали друг друга по плечу, и Тина ушла.

Зато я ходил по комнате и старался понять, как такое может вообще быть. Все бесплатно, бесконтрольно, да еще и борются, чтобы что-то тебе всучить с самым высоким сервисом, и тоже бесплатно. Какая-то страна чудес, да и только. Очень захотелось увидеть все это самому.

Через час я уже лег в кровать и быстро заснул, сегодняшний день для меня был перенасыщен информацией.

Глава 7. Руководство и политика

Утром я встал как обычно и умылся. Жаль, но я забыл спросить, что делать с зубной щеткой и пастой, или они просто не чистили зубы?

Через полчаса в дверь постучали: на пороге стоял Тони.

– Не рано? – он поздоровался.

– Нет, что вы, – я показал ему на стул. – Кстати, а как вы определяете время? Я понимаю, что у вас его нет, но например Карл на первой встрече назначил следующую, но не назвал время, однако все собрались в один и тот же момент. Или другой вариант, сегодня вы пришли именно тогда, когда и пообещали вчера. Как тут обстоят дела со временем?

– Трудно объяснить, – он улыбнулся, – понятие времени мы используем только для вас, а самого времени не называем. Однако если Карл назначает место встречи, он не скажет ни завтра, ни во сколько часов. Телепатически он передает мне координаты в пространстве, не само время, а просто это такое понятие.... – он глубоко задумался. – Извини, мне трудно это тебе объяснить, ты привык к времени и меня не поймешь.

– А я уже подумал, что здесь в комнате есть видеокамера, и вы просто увидели, что я уже встал и справился со всеми своими делами. Извините, – я улыбнулся.

– Кроме того, у жителей нашей планеты очень высокая чувствительность, даже на расстоянии. Мы живем в пятом измерении, и наши вибрации очень высоко подняты.

– А я, из какого измерения?

– Из третьего. Между нами очень большая разница.

– А вы можете, на каком либо примере нас сравнить, в смысле частоты вибраций, я в этом мало что понимаю?

– Попробую, – задумался он. – К примеру, наши вибрации занимают всю эту комнату, ваши же – пятую часть стула, на котором я сижу.

– Настолько? – не поверил я. – А четвертое, с моего созвездия Альфа Центавра?

– Примерно две трети комнаты. – Сказал Тони. Ладно, с вашего позволения давайте оставим это на потом, мы же встретились по другому вопросу?

– Да-да, конечно, – сразу же сказал я. – А как вы хотите вести беседу, задавая мне вопросы?

– Скорее всего, так, но вы можете тот же вопрос задать и мне, тогда мы уже точно пойдем друг друга.

– Прекрасно, – мне показалось это разумным и честным.

– Тогда я начинаю, – он откинулся на стуле. – Надеюсь, вам не помешает этот кристаллик, я положу его на столе, он будет просто записывать нашу беседу. – Не дожидаясь ответа, он вынул из кармана и положил на стол белый прозрачным камушек. – По дополнительной информации, которую я получил вчера вечером, ваша планета немного больше нашей, но совсем немного. Спутников у вас нет....

– Подождите, – перебил его я, – у нас есть один спутник, Луна.

– Да? – он удивился. – Значит, раньше его просто не было, для чего-то создатель его подселил к вам поближе, и естественно, он искусственный, и внутри него работают разумные существа. Но ладно об этом, перейдем к Цети, или если вам удобнее, к Земле. Какое у вас население?

– По-моему около восьми миллиардов, и его численность продолжает расти.

– Сколько?! – мне кажется, что он мне не поверил, и я повторил.

– Но как вы все выживаете на одной небольшой планете, размером как наша?

– А у вас сколько? – спросил я.

– Полмиллиарда. И вам хватает природных ресурсов, еды и воды?
– Уже нет, – я повесил голову. – Многие умирают от жажды и голода. А дальше будет еще хуже.

– Ладно. А кто руководит вашей планетой?

– Президенты всех стран, – я пожал плечами. – И другие очень богатые люди.

– А что такое страна?

– Кусок территории, имеющий границу с другими странами, тоже территориями. Страна независима, у нее есть свой Президент, или так сказать главный руководитель, и аппарат управления. А у вас?

– Стран у нас нет, просто одна планета. Главного руководителя тоже нет, есть просто руководитель и совет, наверное, подобный вашему аппарату управления, в нем восемь человек. Шестерых вы знаете, еще с двумя я вас познакомлю.

– И все? – теперь уже не поверил я. А аппарат руководителя, конгресс, министерства и ведомства, другие правительственные структуры?

– Я не понимаю, что это такое и для чего это все надо. И сколько человек примерно в аппарате управления одной страны?

– Если маленькой, то... – я задумался. – От пятисот до тысячи человек, если не больше. Так сложилось, так у нас действуют государства. Я не отвечу вам зачем, потому что сам не знаю ответа. Все это у нас называется демократией, или властью народа, но я бы назвал это простой бюрократией, и абсолютным безвластием народа. Но многие люди хотят денег и власти, отсюда и такое количество управленцев.

– Денег? Вы сказали денег? Значит, они у вас есть? – Тони подался вперед.

– А где их нет... Вчера мне сказали, что у вас их нет, но это для меня очень странно.

– Вот как! – он откинулся на спинку стула и провел рукой по лбу. – В большинстве цивилизаций нашей галактики денег нет. Но у черных, то есть некоторых из враждебных цивилизаций их имеют. Теперь я не сомневаюсь. Что ящероподобные прилетали к вам, только они могли оставить вам такое наследие, как деньги. К тому же это – вирус. Человек собирает деньги и становится богаче, несмотря на то, что его сосед умирает от голода. Он не останавливается, деньги продолжают собираться просто так, ведь человек уже всем себя обеспечил. Ему становится скучно, и он хочет власти, то есть подчинить себе других людей, чем больше, тем лучше. И этот вирус – это уже серьезное заболевание, не сомневаюсь, что вы ему тоже подвержены.

– Наверное, – пространно сказал я, – в какой-то мере. Я не богат, и не обладаю властью, но не скрою, я бы не мог вести себя как вы в Центрах Сервиса или на Выставках, где без денег тебе выдают все, и сколько ты хочешь. К тому же, я бы с удовольствием бы разбогател, если бы мог. – Я старался говорить честно. – Наверное, по сравнению с вами я действительно болен.

– Вы думаете, что этим испугали меня? У вас вирус, вернее болезнь из цепочки Зета, а это не передается при контакте, или по наследству. Ладно, открою вам один секрет, надеясь на вашу порядочность. Зетой болели и болеют и наши люди с этой планеты. В конце года собирается комиссия, и анализирует доклад главного психолога-психиатра. Людей этой специальности у нас много, как много и самых высоких технологий. Например, вы живете один, но за один год взяли домой три холодильника, особым образом это фиксируется, и к такому человеку приставляют психолога. Он следит за ним, проводит беседы и наконец, делает заключение. Если эти три холодильника ему действительно нужны, хоть для чего, его вычеркивают из списка. Если нет, и плюс замечаются другие отклонения подобного характера, ему присваивают диагноз Зета.

– И много у вас таких?

– За год мы выявляем в среднем пять-шесть человек. И нам надо от них изолировать нашу планету, чтобы она оставалась здоровой. Представьте, если у него есть жена и дети, то видя, что он делает, рано или поздно они могут сами попробовать то же самое. Так эта болезнь и распространяется. Просто на личном примере. Мы исследовали всех таких людей, но не нашли ничего необычного, значит, это чисто психологическое или психиатрическое заболевание. Его на нашей планете боятся больше всего, у нас люди вообще не болеют, кроме, конечно, переломов или какого-нибудь вывиха.

– И вы не можете их вылечить?

– Зета неизлечима. Как только бактерия попала в мозг, ее уже не выявишь и не уничтожишь.

– И как же вы их изолируете? Садите в тюрьму или засовываете в психиатрические больницы?

– У нас нет тюрем, как и больниц тоже. Есть одно здание на всю планету с последней медицинской аппаратурой, и оно единственное для всех, большинство времени пустуя. Я же сказал вам, наши люди не болеют. И наши люди не делают ничего, за что их надо было бы сажать в тюрьму. Извините, я этого слова не знал, но вытащил его изображение и информацию из вашей головы.

– Вытаскивайте, – я махнул рукой, – что хотите. Так что же вы с ними делаете? Убиваете?

– Что вы! – шарахнулся Тони. – У нас никого не убивают. Из милосердия, эту пятерку или шестерку сажают в космический корабль, набивают его едой и всем необходимым, и отвозят на другую планету третьего измерения. В нашей галактике таких много, и мы используем разные. Там их оставляют и все. На первое время у них все есть, а уж дальше....

– И это, по-вашему, милосердно? – Мне стало не по себе.

– А что делать? Было бы милосердно, как вы сказали, лишить их свободы, в тюрьме или в больнице? Зато наша планета всегда остается не зараженной, хотя, как я и говорил, раз в год мы выявляем новых больных Зета.

– Так может и на Землю корысть, и жадность занесли не ящероподобные, а кто-то с какой-то высокоразвитой планеты оставил больных Зета?

– Все может быть. На Альфа Центавра поступают также, не удивлюсь, если они подкинули и на Землю таких же больных, ведь это созвездие ближе всего к вам.

Мне стало не по себе. Но Тони я тоже понимал. Может все, как и я, или большинство землян больны этим вирусом Зета? Не исключено.

– И сколько же на вашей планете стран? – Тони вернул разговор в прежнее русло.

– Чуть меньше двухсот, и образуются, то есть отделяются новые.

– Вы с ума сошли? – Не выдержал Тони. – Зачем же вам столько? И каждое имеет сумасшедшее количество управляющих. Это просто бред какой-то, наоборот, по любой логике лучше объединяться.

– К Земле эта логика не относится. Наша цивилизация деградирует, не удивлюсь, если скоро нашей цивилизации наступит конец. Каждая страна собрала кучу оружия, если применят хотя бы его часть, от Земли останется лишь один космический порошок.

Дальше я уже отвечал почти машинально, но мой каждый ответ подвергал Тони в шок, было видно, что ему трудно было во все это поверить. И в исчезновение деревьев, нефти, животных, загрязнения окружающей среды, озоновые дыры и зараженные ядерным топливом территории атомных электростанций.

Я же не узнал ничего нового, вернее, почти не спрашивал, ведь о других областях мне придется разговаривать с другими людьми.

Наш разговор занял часов пять, пока я не попросил передышку.

– Отдохнуть? – Тони встал, – я думаю, что нашу беседу вообще можно закончить, если, конечно, у вас не осталось ко мне вопросов. Честно говоря, я многого не ожидал, но ваши ответы привели меня просто в шок. Ваша цивилизация уничтожает сама себя, и я просто не могу понять, почему это никому не понятно, почему никто ничего не делает, чтобы это остановить, и почему... Вообще-то, этих Почему у меня собралось столько, что мой доклад будет бомбой для Карла, хотя он многое видел в своих жизнях. Сейчас мне просто жаль вашу Землю, но вы в этом не виноваты. Персонально вы. Виновата система и те, кто ее такой сделал. А может и ящероподобные, и закинутые к вам больные Зета тоже. Отдыхайте Джон, огромное вам спасибо.

– А завтра кто-нибудь придет? – спросил я уже у двери.

– Я думаю, раз мы затронули сегодня тему Зета, ее и другие вопросы может закончить главный психиатр и психолог, не возражаете?

Я не возражал и закрыл за ним дверь. Мне стало очень грустно, ведь я видел его реакцию на мои ответы. Наверное, он сейчас думает, что все земляне просто сумасшедшие, или первобытные люди, к которым в руки попали какие-то новые технологии, но сам разум остался на первобытном уровне развития. Надо же, никто на этой планете не болеет, нет тюрем, а значит и полиции, и этим всем управляет всего лишь восемь человек. Да, это было трудно понять, как и отсутствие денег, здравомыслие в жизни, и еще много чего. Впервые мне просто стало откровенно стыдно за нашу земную цивилизацию. Почему они смогли заполнить своими вибрациями всю комнату, а мы лишь пятую часть стула? Мне вспомнилась терапия по пробуждению моей памяти. Зачем и в чем был смысл этого эксперимента, на который я решился? Создатель приготовил нам планету гораздо красивее и насыщеннее этой. Наверное, он ожидал, что наша цивилизация поднимется в четвертое, а может и в пятое измерение. А что получается? Даже в своем третьем мы падаем еще ниже. Кто же в этом виноват?

Я еще долго думал о многом, а потом просто лег спать.

Глава 8. Психиатрия и Психология

На следующее утро, после того, как я выполнил все утренние процедуры, в мою дверь постучали. Вошедший мужчина поздоровался и сразу же представился:

– Джо. Главный психиатр и психолог планеты.

Он был на вид примерно моего возраста, но какой-то странный. В его глазах светилось предрасположение и какое-то умиротворение, а голос был тихий и мягкий.

Как и с Тони, мы сели и смотрели друг на друга.

– Джон, – наконец, начал он, – Тони рассказал мне о вашем разговоре насчет Зета вчера. Надеюсь, вы не будете распространяться об этом?

– Ни в коем случае, – я пожал плечами. – Я благодарен за его откровенность. А вот вы можете мне объяснить, зачем вашей планете столько специалистов по психологии и психиатрии, что вас даже выделили в особую область?

– Я вас понимаю, наверное, на вашей планете мы относимся к здравоохранению, не так ли?

Я кивнул.

– Мы тоже тесно связаны со здравоохранением и образованием, и часто работаем вместе, но у нас немного другая специфика. Хотите, расскажу?

Я почтительно улыбнулся.

– Каждого, заметьте, каждого жителя планеты мы берем на учет с момента его рождения. Наша задача помочь вырастить психически здорового жителя, психологически устойчивого, ну, и конечно, следить за проявлением вируса Зета тоже. По мере взросления, психика ребенка меняется, поэтому мы всегда начеку. Если он сбивается, или например, идя в Сервисный центр, набирает себе кучу игрушек и ящик сладостей, это не значит, что он подвержен какому-то вирусу. Он еще ребенок, и работая с ним, объясняя, что он взял много лишнего, поддавшись на яркие раскраски или желание в тот момент съесть какие-либо сладости, он делает ошибку. Половина игрушек будет заброшена уже в тот же день, а столько сладостей, сколько он взял, ему сразу просто не съесть, да и это вредно тоже. В другом русле, когда ребенок взрослеет, и представители отдела образования начинают определять его склонности к той или иной профессии или виду деятельности, часто получается, что ребенок вообще ни к чему не стремится и ему ничего не нравится делать. Или наоборот, если он загорается многими увлечениями, и сам не может выбрать, какое из них преобладает, тут мы тоже помогаем, с таким всегда рядом психолог.

– Прекрасно, – отметил я, – вы делаете очень нужное дело, у нас ведут к психологу или психиатру взрослого человека или ребенка, только если у него уже есть симптомы какого-нибудь психологического заболевания или какие-то отклонения. У вас же много уделяется профилактике. Кстати, а настоящих душевнобольных у вас много?

– У нас таких нет, – мягко улыбнулся Джо. – Когда человек живет приятной, спокойной и свободной жизнью, у него не появляются заболевания такого типа. Тем более, если с ним занимаются с самого детства. – Он опять улыбнулся. – А как у вас?

– У нас такого точно нет, – я понурил голову. – К тому же, с каждым годом растет число самоубийств, их количество уже превышает любые психологические нормы. Многие наши люди просто не выдерживают темпа развития нашей цивилизации, а если даже они и попадают в больницы для душевнобольных, их просто пичкают лекарствами, стараясь отключить им голову, чтобы в нее меньше попадало разных мыслей. Наверное, вас ужаснет, сколько среди нашего населения есть маньяков, серийных убийц, педофилов и просто людей со страшной и затаенной психикой. У нас матери иногда выбрасывают на помойку своих новорожденных детей, а отцы бьют и часто убивают своих жен и детей, даже в трезвом виде.

Но все это – результат самой системы нашей жизни. Может лишь один процент населения сказать, что его жизнь приятна, спокойна и свободна.

– Один процент?! – Джо немного приподнялся. – Извините, многие ваши термины мне приходится считывать с вашей головы, чтобы понять их, ведь в нашей жизни их просто не существует. Честно говоря, у меня даже кожа похолодела от ваших слов, и тех изображений, которые я вытаскиваю из вашей головы. Просто не верится, но я вам верю, зачем вам что-то придумывать? И что, у вас нет психологов?

– Сколько угодно, – усмехнулся я. – Один раз я сам пошел к одному, так он просто заполнил мои данные, а потом попросил рассказать о моей жизни, начиная с детства. Я болтал больше часа, пока не заметил, что тот просто заснул. Очнувшись, он сказал, что моя психика в опасности, и такие сеансы надо продолжать, чем чаще, тем лучше. На это уйдет год или годы. И в конце он положил в карман немалые деньги и попрощался до следующего сеанса. То есть, наши психологи заинтересованы в клиентах в первую очередь в финансовом плане, и будут настаивать, чтобы люди приходили к ним чаще. Слушай себе, удобно устроившись в мягком кресле, своего пациента, или даже спи. А деньги идут. Нет, конечно, такие не все, но большинство. – Я замолчал.

– Деньги? Ах, да, Тони сказал мне, что в вашей цивилизации существуют деньги. Само по себе это уже плохой симптом.

– Да и откуда могут появляться только психически здоровые люди, если будучи детьми, многие живут в семьях, где их унижают, бьют, выгоняют на улицу, заставляют воровать или даже торговать своим телом? Где родители все время пьяны или употребляют наркотики.

– Ужас какой-то, – глаза Джо смотрели на меня с оттенком недоверия. – А как на это смотрят управляющие органы?

– На это они закрывают глаза в большинстве случаев. А открывают лишь тогда, когда ребенок вырос волчонком и стал грабить и убивать ни в чем не повинных людей. Но даже и в таком случае их просто сажают в тюрьму, какая там психологическая помощь. – Я махнул рукой.

– Но получается, что ваша планета психологически больна? Причем, большая часть ее населения? Извините, я опять забираю из вашей головы изображения, и в них просто трудно поверить. Вы – больная цивилизация, причем больная по настоящему, и сама болезнь уже приняла хроническую форму.

– Согласен, – грустно сказал я. – в этой теме между нами просто огромная пропасть. Вижу, что вам трудно верится в то, что я вам рассказал, как и мне в то, что у вас на планете все так прекрасно, не считая пяти-шести человек в год, больных Зета.

– Что вы! – он откинулся на спинку стула, – скоро вы выйдете на поверхность и во всем убедитесь. Напитков, содержащих алкоголь, у нас не было, и нет, сигарет и наркотиков тоже. Все эти термины я считываю с вашей головы, просто я их никогда не видел и не держал в руке. Ударить ребенка? Да, Боже упаси, я таких случаев просто не встречал. Грабить, убивать и продавать свое тело, таких терминов даже нет в нашем лексиконе. Я вам просто сочувствую, – искренне произнес он. – Больная цивилизация, это просто беда.

– Какие есть, – грустно сказал я. – Хуже всего, что болезнь распространяется еще дальше и глубже.

Беседа заняла у нас пару часов, и я понял исходя из вчерашнего и сегодняшнего опыта, что те, кто приходит со мной разговаривать, не вникают в вопросы очень глубоко. Например, про управление и политику моей планеты можно было рассказывать недели, как и про психологию наших людей, но их все интересовало больше поверхностно, и разговор заканчивался за несколько часов. Им трудно вверились мои рассказы, мне – им, хотя в глубине я чувствовал, что они не только не врут, но и ничего не приукрашают. Мое желание увидеть все своими глазами возрастало, хотя после их ухода, меня окутывала какая-то печаль, видя,

как они реагируют на то, что я рассказывал. Честно говоря, похвастаться мне пока было нечем, но такой была сама жизнь на нашей Земле.

После ухода Джо я опять много думал, а потом просто нажал на кнопку вызова.

– Соскучились? – улыбалась Тина на пороге моей комнаты, поздоровавшись.

– Конечно, – улыбнулся и я. – Ты не занята?

– Для вас я всегда свободна, такое было распоряжение.

Мы уселись, и я сразу же спросил:

– Тина, а у вас чистят зубы? Извини, я не нашел ни пасты, ни щетки.

– Конечно, только чистят той же водой, просто полоща рот. Эта вода в виде пара специальная и усовершенствованная, ее можно спокойно пить, она снимает грязь, если вы моете руки или принимаете душ, ею вы полощите рот, ведь вы едите желе, а оно почти не оставляет следов на зубах. Включите воду, и соберите из пара воду в ладони, а потом или мойтесь, или полощите рот.

– Подожди, – не понял я, – о каком душе ты говоришь? Он где, в туалете?

Мы оба поднялись и зашли в туалет, свет включился автоматически.

– Видите эти два отверстия, одно в полу, а другое на потолке? – Тина показала в угол. – Это и есть душ, извините, что никто вам этого не объяснил. – На умывальнике есть красная кнопка, она переключает воду на душ. Когда вы ее нажимаете, из нижнего и верхнего отверстия бьет пар, его температура оптимальна для человеческого тела, но вы можете ее регулировать теми же кнопками на умывальнике. Пар превращается на вашем теле в капли воды и стекает вниз, вы видите небольшую темную решеточку в полу? Вода стекает именно туда. Вот и весь секрет. – Мы вышли и опять уселись.

– Странно все как-то, – сказал я, – у нас в душе и в умывальнике вода просто течет, струю можно сделать толстой или тонкой. А у вас все на пару. Это почему так?

– Во-первых, это экономия воды, ведь если взять ваш метод, то большое количество воды просто льется без надобности, или едва касается вашего тела. Если я представлю, как вы просто моете руки, включая средний напор воды, то ее уйдет где-то пятьдесят стаканов, извините, я не знаю, в чем вы меряете объем жидкости. Если же использовать пар, на мытье рук уйдет не больше десяти стаканов, к тому же пар окутывает ваши руки до последней клеточки вашей кожи, то есть, вода, содержащаяся в паре, омоет всю руку полностью. Разве это не экономия? Мы используем воду в десять раз меньше, чем вы.

– А у вас что, проблема с водой? – я вдруг вспомнил один из фильмов, где на их планете текли только две реки.

– Как вам сказать, у нас есть две реки, которые мы сделали непрерываемыми. Вода у нас есть, но она очень глубоко под землей. Во-первых, это затраты на ее извлечение, а во-вторых, если мы не будем экономить, то резервы воды будут истощаться, что же мы оставим следующим поколениям или нашему же будущему?

– Логично, – кивнул я. – У нас об этом почти никто не думает. На одних территориях воды хоть завались, на других люди умирают от жажды, то есть у них воды просто не хватает.

– Не может быть! – удивилась Тина. – Прямо-таки умирают? А почему не поделиться, или не экономить?

– Это уже другой вопрос, мировой политики. К сожалению, но это так. – Мне опять стало грустно. – Тина, а вот скажи мне, ты счастлива? Ты всем довольна в своей жизни? – Я вспомнил про Тони.

– Конечно, – Лиза сказала это как само собой разумеющееся. – Довольна всем без исключения.

– А с тобой работали психологи? Может в детстве, или позже? – Вопрос касался уже Джо.

– И не один. Ко мне и сейчас иногда заглядывает мой психолог, просто поговорить, узнать новости. Здесь так принято. И я всегда рада его приходу.

Глава 9. Дополнительная информация

- А у тебя есть муж или дети? – продолжил я.
- Пока нет, а что?
- Ты же симпатичная, трудолюбивая. Разве тебе не хотелось бы иметь семью?
- Пока нет, может в будущем. Я прекрасно чувствую себя в одиночестве, и мне никто не нужен.
- А родители?
- У нас принято, что когда ребенок вырастет, он уходит от родителей. Они старше, у них другие взгляды и интересы, а у молодых свои. Просто никто никому не надоедает и не мешает.
- И куда же ты уходишь, ведь надо иметь дом, где жить?
- Я ушла в дом, где уже никто не жил, но могла бы попросить, и мне бы построили новый там, где мне бы понравилось, если конечно я не буду мешать соседям.
- И кто бы его построил? И тоже, просто так, бесплатно?
- Конечно, а построил бы завод, который этим занимается. У нас много заводов, но большинство их под землей. Вообще наша планета, как бы, бытовая, и заводы бытовые, делают все для жизни и быта. А на другой планете размещаются по большей части ученые, которые занимаются высокими технологиями, строительством космических кораблей, например, и многим другим.
- Да, уж, – задумался я, – как все четко спланировано, и главное все бесплатно и без проблем. Нужен дом – тебе его построили и цента не взяли. Фантастика! А у нас чуть ли не половина населения снимает жилье, и живут с родителями, с бабушками и прабабушками, а куда деться?
- А сколько ты работаешь, и сколько отдыхаешь, то есть находишься дома? – спросил я.
- Сколько нужно моей работе, какая мне разница. Мне и здесь хорошо, и дома тоже. Например, если много работы, я нахожусь здесь долго, но часто бывает, что ее нет, тогда я долго нахожусь дома.
- И чем же ты там занимаешься?
- Я плету корзины и разные сумки, у нас есть такое дерево, у которого очень гибкие ветки..... – она немного застеснялась.
- Знаю, – понял я, – у нас такое тоже есть, его называют Ивой, и из его прутьев тоже плетут разные вещи. Но немногие этим занимаются, раньше было больше. И что же ты делаешь со своими поделками?
- Ношу на Выставку, – просто ответила она. – Это – мое увлечение. Не думайте, что я их много делаю, ведь мы охраняем каждое дерево. Я срываю совсем небольшое количество прутьев, и только с тех деревьев, которые уже сильно заросли.
- А у вас есть любовь? – вдруг спросил я. – Если мужчина и женщина влюбляется друг в друга? А потом создает семью.
- Конечно. Только к ней надо быть готовой. Я, например, не готова, я никого не ищу, пока мне одной хорошо. Но всегда может наступить момент, когда появляется желание быть рядом с мужчиной, может и у меня такое будет.
- И что тогда? Будешь искать мужчину?
- Тебе трудно это объяснить, Джон. Когда женщина или мужчина хочет познакомиться с представителем другого пола, они как бы светятся, просто от них веет энергией желания, или поиска. Если встречаются двое с такой энергией, женщина или мужчина стараются познакомиться поближе. Но если я не излучаю эту энергию, ко мне никто не подойдет,

в смысле ни один мужчина, чтобы познакомиться. Ты хоть что-то понял? – вдруг рассмеялась она.

– Что-то, – улыбнулся я. – Как все у вас странно. У нас знакомятся просто так, без всякого. Часто, даже просто на пару часов, чтобы потом лечь вместе в постель и иметь половой контакт. Извини за такие подробности.

– Не может быть, – не поверила Тина. – Без любви? Как можно узнать человека очень быстро? А как же, если после всего этого она забеременеет? Или у вас делают вакцину от беременности?

– Вот так, – вздохнул я. – Какая тут вакцина. Покувыркались в постели, девушки беременеют, а ребенок растет без отца. Причем часто девушки совсем молодые, сами еще как дети.

– Но это же безумие?

– Согласен. Просто животный инстинкт. Пять минут удовольствия, а ребенку и женщине потом всю жизнь расхлебываться. Нет, есть, конечно, и серьезные отношения, но в последнее время все очень упростилось, молодежь падает в какую-то сексуальную пропасть. Ладно, давай замнем эту тему, у нас два абсолютно разных мира по отношению к любви, ваш, конечно, лучше, он серьезнее и стабильнее.

Как не странно, Тина давала мне гораздо больше информации, чем мне дали те же Тони и Джо, я не винил их, они отвечали, хоть и скупое, но на все мои вопросы, а Тина увлекала меня простой формой ответов, как бы неофициальной, а более бытовой и глубокой. Мы еще немного поболтали, и я ее отпустил, попросив принести еще фильмов. Остаток времени до сна я просто лежал и смотрел. Но с каждым фильмом я понимал, какая невероятная разница в наших жизнях, иногда я действительно чувствовал себя и мое общество просто первобытным.

Меня поразил первый из фильмов, он был как раз в тему, которую я сегодня уже спрашивал у Тины. На экране был показан огромный цех, по видимому под землей, а из звукового сопровождения я понял, что это часть завода по строительству домов. Цех был огромен, но в нем находился лишь один человек, по-видимому, оператор, он сидел возле пульта управления, глядя на показатели множества приборов. Все остальное было автоматизировано. Какие-то огромные толстые листы резались лазерным лучом, перемещались дальше, где с ними тоже что-то делали, а в конце они просто красились. Листы были явно не из дерева, скорее всего какой-то пластик, и я вспомнил слова Тины, что у них берегут и охраняют каждое дерево на планете. В другой части цеха резались, но на более мелкие квадраты, какие-то метровые толстые, похожие на каменные блоки, но потом у меня появилось подозрение, что они не из камня, а какого-то полимерного материала. Дальнюю часть цеха было трудно видеть. Но меня поразило еще одно, когда листы и блоки в конце скапливались, оператор поднимался с места, подходил к ним и невероятным образом, они просто переплывали по воздуху уже в подготовленный открытый контейнер. Когда и тот забивался, он просто перемещал его по воздуху куда-то в конец цеха.

– Левитация! – мелькнуло у меня в мозгах, – вот она, самая настоящая левитация или анти гравитация, я вижу ее собственными глазами. Она существует, а значит и Египетские пирамиды и прочие грандиозные строения на Земле все-таки строились по этому принципу, но, естественно, не землянами.

Но что было дальше, заставило меня засомневаться. После цеха была показана какая-то одинокая лужайка, на которой стоял обычный молодой мужчина или парень. Камера устремилась в небо, и я увидел, как к тому месту приближаются три летательных аппарата, типа вертолетов, но без лопастей, они были гораздо крупнее, чем тот, на котором меня прокатили в самом начале, и у каждого был подвешен большой контейнер, из предыдущих кадров в цеху.

Поставив контейнера на землю, вертолеты опустились неподалеку, и из каждого вышел человек, но это не был пилот. Они открыли контейнера, и из них плавно начали выдвигаться и те же листы, и блоки, и прочие штуковины. Трое из вертолетов просто сопровождали их взглядами, и те ровно ложились на землю, как на пол, или вставали вертикально, как стены. Ни одного гвоздя или клея я не заметил, но все стояло не шелохнувшись. Стены и другие детали были выкрашены в васильковый цвет, все листы были уже покрашены, как изнутри, так и с наружи. Короче, невероятным образом всего за час дом был готов под ключ, с окнами, дверями, внутренними стенами, крышей, короче, полностью укомплектованный и законченный. Трое подошли к одиноко стоящему парню, видимо заказчику, хлопнули его по плечу и с улыбкой направились к своим вертолетам. Те, поднявшись и подцепив уже пустые контейнеры, вскоре скрылись из глаз. Камера еще раз показала весь дом снаружи и изнутри, дом, на мой взгляд, был идеален. Ладно, я уже понимал, что все трое владели левитацией, вернее анти гравитацией, но как весь дом собрался без единого гвоздя, шурупа или цемента с клеем, я даже представить не мог. Я еще раз вернулся назад и все посмотрел, пока не убедился, что вся сборка дома заняла даже чуть меньше часа.

Естественно, и у нас собирали панельные дома, но за час никто бы не построил ни сарая, тем более без гвоздя или цемента. Чудеса, да и только.

Под впечатлением я нажал кнопку вызова, и когда Тина пришла и села, сразу же засыпал ее вопросами. Оказывается анти гравитацией, как и левитации, владели все, кто лучше, кто похуже.

– А как же, если молодая девушка придет в сервисный центр и выберет, например, большой шкаф или холодильник? – улыбалась она. – Как она его доставит к себе домой?

– А что, у вас нет наземного транспорта? – удивился я, хотя ни в одном из фильмов такого не увидел.

– Нет, у нас все по воздуху. Вот я взяла шкаф и иду домой, а он движется по воздуху рядом со мной, или я могу сразу направить его к дверям дома. Разве у вас не так?

– У нас люди не умеют поднимать или передвигать вещи, не касаясь их, как и приподниматься над землей самим. И транспорт у нас в основном наземный, наши самолеты, то есть летательные аппараты, служат в основном для перевозки людей, только иногда грузов.

– Не волнуйся Джон, я слышала, что твоя планета находится в третьем измерении, это естественно, что наша жизнь резко отличается от вашей. Когда вы подниметесь в четвертое, а потом и в пятое измерение, как мы, все будет по-другому.

– Хоть бы не опуститься во второе, – опустив голову, прошептал я. – Извини Тина, что я тебя позвал, просто только что я посмотрел один фильм и не смог представить, что такое может быть наяву. Кстати, я правильно понял, что дерево вы нигде не используете?

– Естественно, это же легкие нашей планеты.

– А камень?

– Тоже, тем более, у нас его не так уж его и много. Все синтетическое, искусственно созданное нашими учеными. Но проверено тысячи раз, чтобы не было вреда ни здоровью людей, ни окружающему миру.

– А из чего сделана ваша одежда? Синтетика или натуральная?

– Конечно натуральная. Практически все сделано из одного растения, мы называем его Исис, его плантации на другой стороне планеты.

– А дожди у вас есть? Или снег? Какой вообще у вас климат?

– Дожди есть, климат теплый и снега нет. Я не специалист, просто наши ученые сделали какую-то призму или установку, которая стабилизирует температуру солнечных лучей, вся планета окружена ею. А у вас?

– Есть все, – улыбнулся я, – и дожди, и снега, землетрясения, тайфуны и цунами, чего у нас только нет. У нас есть натуральные ткани, но в последнее время чаще используются

искусственные, они дешевле. Иногда их смешивают. И у нас есть четыре времени года, когда погода теплее, а когда холоднее, поэтому на каждый сезон мы носим соответствующую одежду. Кстати, я просмотрел уже четыре фильма, и там, где показаны ваши люди, они одеты во что попало, каждый по разному, очень просто и как-то странно.

– А как у вас?

– По-другому. У нас есть такое понятие, как мода, люди стараются покупать красивые вещи, или те, которые по моде, поэтому многие одеты, похоже друг на друга. Одежда у нас – это целая индустрия, знаешь, сколько денег на нее тратят.

– Как-то странно. Мы вообще не обращаем внимания на одежду. Если я отправляюсь на работу, то надеваю первое встречное платье. А зачем красивое? Главное, чтобы тебе нравилось, и было удобно. На одежде у нас никто не помешан, сам увидишь, одевают все, что попало. Мне кажется, что так и должно быть, хотя, если у вас так принято....

– Именно так и принято, – кивнул я. – Вы правы, главное не форма, а содержание, в этом случае сам человек, а не его одежда. Но тогда можно ведь просто ходить голыми? – пошутил я.

– Иногда ходим, – как-то естественно вдруг сказала она. – Иногда, но очень редко, к нам привозят на экскурсию людей из третьего измерения. Тогда, кто хочет, просто исчезает из вида, и одежда ему не нужна.

– Как это? – не понял я.

– Плотность нашего тела очень мала, мы можем стать невидимыми, если захотим. Из четвертого измерения они могут, как бы растворяться, но все равно их тело видно как в тумане, хотя и с трудом. Мы же вообще можем исчезать, вернее, мы-то остаемся, но нас никто не видит.

– Шутишь? – улыбнулся я. – А попробуй, исчезни сейчас.

Неожиданно, стул, на котором только что сидела Тина опустел. На нем остался ее халат, а рядом на полу стояли туфли. Я осмотрел всю комнату, но ее не было.

– Тина, появись, пожалуйста, – попросил я. – И тут же не поверил своим глазам, она сидела там же на стуле.

Никаким фокусом, или оптическим обманом это быть не могло, и у меня отпала челюсть. Наконец, я пришел в себя.

– С ума можно сойти! – я почесал затылок. – Ну и дела, просто люди-невидимки! Тогда почему же вы мне показываетесь? Я же тоже из третьего измерения.

– Кто показывается, а кто и нет, – улыбнулась она. – Это наша способность, мы можем использовать ее по своему усмотрению.

– Тиночка, дорогая, не исчезай больше, – попросил я. – Значит, вокруг меня могут ходить ваши люди, но я их не вижу?

– Может и так. Не волнуйся, – улыбнулась она, – больше не исчезну, сам попросил. Все люди из пятого измерения могут быть невидимками, во всей нашей галактике.

Наверное, мне нужно было время, чтобы осмыслить все, что она рассказала, и в особенности фокус с исчезновением, поэтому я поблагодарил ее и отпустил.

– Да уж, – подумал я, – расскажи кому у нас, не поверят ничему, могут даже в психушку засунуть. А ведь я все это вижу, и то, что это не сон – неоспоримо, скоро будет месяц, как я тут.

Спал я сегодня как-то беспокойно, видимо снились сны, но поднявшись утром, я уже не помнил ни одного.

Глава 10. Здравоохранение

Наутро в дверь постучали, а потом и вошел немного грузный круглолицый мужчина и поздоровался.

– Советник по здравоохранению, – сразу же представился он. – Вы меня называли Джим, так и зовите.

Мы расселись, и он вдруг спросил:

– Какие ко мне у вас будут вопросы?

– У меня? Я думал это вы пришли задавать вопросы, но если у вас есть желание, я сразу же спрошу вас. Психологи и психиатры не в вашей компетенции, больница у вас одна и почти всегда пустее, чем же вы тогда занимаетесь?

– Хм, – прокашлялся он. – Может, вам покажется странным, но дел хватает. Я бы разделил функции нашей области на две части: деторождение, и сохранение здоровья людей во внешнем мире.

– В каком мире? – не понял я.

– Например, мы контролируем состав подаваемой по всей планете воды, что бы ни в коем случае она не принесла никакого вреда любому из жителей. Мы так же проверяем, какие материалы окружают людей, например мебель или одежда, и не влияют ли их составляющие на человеческое здоровье. И многое другое. Таким образом, мы в прямом смысле охраняем здоровье наших жителей.

– А почему у вас почти нет больных? – спросил я

– Не знаю, – он развел руками, – потому что нет предпосылок для болезней. Чистый воздух, спокойная жизнь, абсолютно натуральные продукты питания и натуральная одежда, много еще разных факторов. Поэтому люди ничем не болеют.

– Поразительно, – сказал я, – а что насчет деторождения?

– Не знаю, рассказывали ли вам или нет наши правила и обычаи, но я лучше повторюсь. Когда создается семья, и принимается решение о беременности, супруги сами выбирают, хотят ли они иметь ребенка натуральным образом, или искусственным осеменением. Женщины также имеют право выбрать натуральные роды, или с хирургическим вмешательством. Ну, и естественно, каждые роды, какими бы они не были, это событие, и медикам надо всегда быть начеку, чтобы не повредить ребенка при родах, и следить за ним после.

– По-моему это справедливо, – заметил я, – а аборт у вас разрешены? То есть, досрочное искусственное прекращение беременности?

– Странный вопрос, – он задумался, – просто у нас еще никому ни разу не пришлось в голову это делать. Ни одной просьбы от одного из супругов не поступало. А зачем это?

– На нашей планете это происходит очень часто, к сожалению, просто разные подходы к теме беременности. У нас огромное количество половых мимолетных связей, даже больше между малознакомыми людьми, чем между супругами. Если женщина не предохраняется, она в любом контакте может забеременеть, а пара, может быть, встретилась только на ночь, чтобы иметь сексуальную связь. Что потом будет делать эта женщина, если она бедна, без мужа и опоры? В семьях тоже бывает это, материальные трудности, и неподходящий момент, чтобы иметь ребенка. Вот и все, дело кончается абортom.

– Но это же кошунство! – по-настоящему возмутился Джим. – Это какая-то анархия, или просто бессмыслица. Ведь Создатель запрещает убивать людей, будь они еще хоть в чреве матери.

– Согласен. А может, мы вернемся немного до того? Как у вас вообще формируется фамилия и решается вопрос о беременности?

– Как во всех разумных цивилизациях пятого измерения. Да и четвертое во многом похоже на наше. Люди встречаются и влюбляются, между ними создается союз, но он пробный, каждый волен выйти из него когда угодно, не объясняя никому причин. Поэтому он пробный. Да, между ними могут быть половые отношения, но тут есть один момент. У нас при рождении девочки ей делают специальную вакцину против беременности. Она действует всю жизнь и не влияет на ее здоровье. Короче, просто так она никогда не сможет забеременеть. Для этого нужна анти вакцина, а она находится в руках даже не у нас, а у главного Психиатра-Психолога, то есть он дает разрешение, на ее применение, после чего женщина уже может забеременеть. Но уже после родов ей опять делается первоначальная вакцина.

– Короче, он решает, иметь ли детей или нет? И сколько?

– Практически так. Но мы пока говорим о пробном союзе, где женщина не сможет забеременеть. Многие такие союзы распадаются, но создаются и новые. Если какой-то союз продержался долго, пара может запросить разрешение на брак, то есть, на создание настоящей семьи. Решает главный совет, но практически он всегда прислушивается к мнению психологов или психолога каждого желающего вступить в брак. Если он или они не против, такое разрешение обычно выдается, и пара вступает в законный брак.

– Я смотрю у ваших психологов большая власть, – не удержался я. – Теперь я понимаю, почему их причислили не к здравоохранению, а выделили в отдельную область.

– Пусть так, но это дает результаты, и практически все положительные. – Джим вздохнул. – Короче, образовалась новая настоящая семья. Но они должны прожить долго, пока захотят написать заявление на возможность завести ребенка.

– И решает опять же совет, следуя мнению психологов, – улыбнулся я.

– Джон, вы просто не знаете психологов, может, вы думаете, что они ущемляют свободу жителей, суя нос налево и направо? Нет, поверьте, вы не правы. Каждый житель сам выбирает себе психолога на границе детства и юношества, он может поменять его на другого в любой момент, но, в конце концов, его психолог остается ему верным и надежным другом на всю его жизнь.

– Пусть так. И что дальше? Совет дает согласие, женщине делают анти вакцину и она натурально или искусственно беременеет. Я прав?

– Абсолютно. И знаете что, только в далекой истории вы можете найти очень редкие случаи развода семьи, или неподобающего отношения любого из родителей к своему ребенку. Значит, система действует, разве нет? И еще одна очень важная вещь, которую я упустил. Совет решает вопрос рождаемости, а это очень важно, чтобы не было перенаселения. Если каждая женщина будет рожать постоянно, нам не хватит никаких ресурсов на этой планете. То есть, происходит решение сразу двух вопросов: качества и количества. Наши семьи имеют не более трех детей, и то это большая редкость, обычно один или два. А смертности почти нет, вот и подумайте.

– Как нет? – не понял я.

– Человек сам выбирает, сколько ему жить, а когда устает, просто умирает по своему же желанию. Скорее всего, он переходит в следующее измерение после смерти, или повторяет еще одну жизнь, но это совсем другой вопрос. Уезжая, Кардитрофероменом, или Карл, как вы его зовете, оставил каждому из нас систему перевода на ваше время. Она приблизительная, но хватит и такой. Сколько бы вы, мне дали лет? – откинувшись, спросил он.

Я посмотрел на него, подумал и сказал:

– Сорок-сорок пять, но не больше пятидесяти.

Джим откровенно рассмеялся.

– Около четырех тысяч. – Он смотрел на меня с улыбкой. – Многие живут до ста тысяч, но многие не переходят эту планку, хотя никаких запретов нет. Просто люди уже устают от жизни, они набрались уйму мудрости, и им хочется на этом закончить.

– Так как вы на все это смотрите? – как бы подытожил он. – Налицо только положительные результаты, за редким исключением.

– Статистика вещь упрямая, – ответил я. – Результат отвечает сам за себя. Тогда, вы просто молодцы, хотя я действительно хотел бы поговорить с каким-нибудь психологом, слишком им доверяют, но я могу ошибаться.

– Ладно, я понял, что вопросов пока нет? Тогда расскажите, чем занимается ваше здравоохранение на вашей планете. Можно коротко.

– У нас огромное количество врачей и медиков, и, наверное, две трети всего населения чем-то больны. – Я задумался. – У нас нет чистого воздуха, нервная жизнь, продукты питания – сплошная химия, и одежда больше синтетическая чем, натуральная и много еще разных факторов, которые вам даже не снились. Результат на лицо.

– Да, – замылся он, – не хотел говорить, но скажу. Мы ведь сделали вам комплексное обследование. Должен вас огорчить, у вас куча болячек, хотя на самое ближайшее время вам ничего не грозит. Но такого букета разных заболеваний разной формы я еще не видел, хотя никого из третьего измерения до вас не обследовал.

– Я и не сомневаюсь, – грустно сказал я. – У нас средняя продолжительность жизни семьдесят лет, а мне уже за сорок, чего же вы хотите?

– А как вы смотрите на ваше лечение? – неожиданно для меня спросил он, – вдруг вы останетесь на нашей планете, вы же не доживете и до ста лет.

– Не доживу, – хмуро кивнул я. – А вы что, сможете все вылечить?

– Конечно. Может не идеально, но....

– Тогда я естественно согласен. – Такого поворота событий я не ожидал.

– И нам приятно. А то настоящим медикам и работы особой нет, а тут такое поле деятельности. Значит, решено, если Кардитрофероменом вас оставит, мы вами займемся вплотную. Не думайте, что после этого вы доживете до ста тысяч, но две-три тысячи я вам могу пообещать. Многие процессы необратимы, но мы сделаем все, что сможем.

– Огромное вам спасибо и за беседу, и за предложение, – я заметил, как тот стал подниматься со стула. – Но вы так мало меня спрашивали? Зато столько рассказали.

– Тогда спрошу вас лишь об одном: вы чувствуете себя здоровым?

– Да, – сразу ответил я.

– Как бы вы оценили общее состояние большинства людей вашей планеты, хуже вашего или лучше?

– Хуже, – опять быстро ответил я, – особенно начиная с моего возраста.

– А знаете, почему я вас это спросил? Потому что по нашим меркам лично у вас нет ни одного полноценно здорового органа, ни одного. Но это все поправимо. Значит большинство вашей планеты еще хуже вас, это мне и важно было узнать.

Мы попрощались и я, как всегда, задумался. – Ни одного здорового органа, хотя чувствую я себя действительно неплохо.

Потом я вспоминал его рассказ о семье и деторождении, были для меня и странные вещи, но в целом я был с ним согласен, их семья и дети были хорошо спланированы, проверены, а значит и защищены. Подход был более чем серьезен.

Я лег на кровать и включил следующий фильм, он был о религии, но шел не более получаса. Голос ведущего в основном рассказывал, ведь показывать было мало чего. На их планете, как я понял, был единственный храм. Это было огромное красивое здание, но без куполов или крестов, с обычной плоской крышей. Других церквей или часовен не показывали, значит, их попросту не было, но в совет же была включена одна единственная женщина председатель духовной общины Люси, значит, духовному, а в моем понятии религиозному, здесь уделялось большое внимание. Как же так? Показывались и съемки изнутри храма, где видимо иногда скапливалась уйма людей. Я видел Люси, и она не читала, а просто что-

то говорила собравшимся, видимо какую-то проповедь, и все слушали ее затаив дыхание. Но внутри храма все было очень просто, никаких росписей или икон, даже мебели не было, кроме трибуны Люси. Люди садились на пол в позу как у йогов, иногда закрывая глаза. Собрание длилось примерно часа четыре, а потом все просто расходились. – Надо будет спросить у Люси, – подумал я, – что-то очень уж странное. Интересно, похожа ли их религия на какую-нибудь из наших?

В комнату постучали, на пороге стояла Тина.

– Я вам не помешала? – поздоровавшись, спросила она.

– Нет, что ты! – Я обрадовался. – Проходи, садись.

– А почему вы меня сегодня не вызываете? – скромно спросила она. – Может вам что-то не понравилось из вчерашнего?

– Нет, что ты, – удивился я. – Может быть я, и позвал бы тебя чуть позже, мне с тобой очень интересно.

– А мне интересно отвечать на ваши вопросы и видеть, как естественно вы удивляетесь по пустякам.

– Это для вас пустяки, – усмехнулся я. – Кстати, у нас это не принято, но я тебя спрошу, сколько тебе лет?

– Не знаю, – покачала она головой, – у нас нет времени, я не знаю, как вам ответить. – Тут я вспомнил, что сказал Джим: Карл оставил таблицу перевода только той восьмерке, что сидела в зале за столом.

– Извини, – вымолвил я. – Ты права. Скажи мне, смотря фильмы, мне показалось, что у вас на планете нет городов, или они под землей?

– Городов? – задумалась она. – Нет, почти все любят жить независимо, в своих домах на своих участках.

– Но разве многим не скучно? Когда собирается много людей, становится интересней? У нас много городов, а одиночек меньше.

– Скучно, это когда нечего делать. У нас все работают, а в свободное время имеют какое-либо занятие для души.

– А работа, она есть у всех, рабочих мест хватает?

– Каждый пристроен, все работают. А как же иначе?

– Но какой-то стимул ведь должен быть? – доставал ее я. – Вот ты рассказывала, что в сервисных центрах, чем больше обслужишь, тем больше почет. А какой он, этот почет, что он дает конкретно?

– Вы какой-то странный, Джон, почет – это почет. На разных предприятиях, даже в Сервисных центрах, у работающих есть своя униформа. Если вы взгляните, у каждого на груди к одежде приклеен маленький квадратик. Чем их больше, тем больше к такому человеку почета, его уважают больше, хотя у нас все всех уважают, но к такому чаще обращаются за советом, в общем, такой в почете на планете. И таких чаще повышают в должности.

– А какая разница в должности, если зарплату все равно не платят?

– Просто интереснее, серьезнее что ли, ответственнее.

– Наверное, мне этого не понять, – наконец рассмеялся я. – Работай так, чтобы тебя повысили, а повысят, будешь работать не меньше, а ответственности будет больше. Какой смысл? Почет или уважение в карман не положишь, и банку с соком на них не купишь.

– Глупый ты, Джон, – мягко произнесла Тина, – у нас тоже есть своя система почета. Несколько раз я получала квадратики, знаешь как приятно на душе?

– И где же они?

– Здесь медицинское учреждение, можно ходить только в халатах без ничего, никаких наклеек.

– И за что тебе их дали, особенно здесь?

- За один период я обслужила больше всех пациентов.
- А вы что, деретесь, может, за них, ради почета?
- Нет, просто мне повезло, так получилось. Это же такая радость!
- У нас есть такое политическое понятие, как коммунизм, правда он уже исчез, так вот, его главным призывом было: От каждого по способностям, каждому по потребностям. У вас что-то похожее. Кстати, а кроме ваших кубиков с желе, вы ничего другого не едите?
- Почему же? Едим и овощи, и фрукты, сами готовим еду, правда, в этом случае в организме скапливаются отходы.
- А мясо?
- Животных убивать, что ли? – строго посмотрела она на меня. – Мы же не изверги. Мы еще немного поболтали и разошлись, я сразу же лег спать и быстро уснул.

Глава 11. Образование и эксперимент

Назавтра утром я уже сидел с Джеком, советником по образованию. У него было какое-то очень интеллигентное лицо и маленькая борода. Как и другим, больше пятидесяти я бы ему не дал.

– Джон, расскажите вкратце о вашей системе образования, начиная с детства, – сразу перешел он к делу.

Вопрос был для меня простой. Я рассказал о детских садах, начальных школах, колледжах, университетах, и как потом у нас становятся докторами наук или профессорами. На мой взгляд, это была для меня самая безболезненная тема, ведь я сам ее прошел. Я даже перечислил обязательные в школе предметы, и те, которые я проходил в Университете. Джек слушал меня внимательно, положив на стол, как и другие, небольшой кристаллик. Мне казалось, что в этой теме особо стыдиться мне будет не за что.

– А как же с самоопределением? На всех этапах, начиная с детства, кончая, к примеру, Университет. Какая у вас система?

Я не понял его вопроса и задумался. Видимо он заметил, что я чего-то не понял.

– Как у вас идет отбор развивающейся личности, чтобы он занял в мире именно свое, любимое им место? – попытался он перестроить вопрос.

– Отбор? – Сейчас я понимал его еще меньше. – Каждый учится по теме, которую он выбирает для своего будущего, – наугад произнес я. – По мере возможности, то есть желания и финансового положения, люди приобретают свою профессию. Есть престижные, есть наоборот, то есть, например те, кто убирают мусор, они даже не пошли в колледж, и вообще какой престиж может быть у уборщика? Все стараются стать юристами, экономистами и другими, короче получить те профессии, которые им дадут престиж и высокий заработок. Хотя потом каждый устраивается, кто, где может, используя связи, или начиная с нуля, с простого служащего. В технических вузах система немного другая, там голова должна варить очень сильно, хотя после окончания связи и знакомства тоже играют большую роль.

– И много у вас учебных заведений?

– Конечно. Особенно детских садов и школ. Колледжей и Университетов меньше. Но все равно, их выпускников так много, что найти хорошую работу непросто.

– А когда ребенок или подросток выбирает для себя профессиональную ориентацию? Кто с ним работает над этим, и с какого возраста?

– Кто с ним работает? – не понял я. – А кто должен с ним работать? Чаще всего как родители скажут или посоветует, так человек и поступает. Хотя есть многие, заикнувшиеся на чем-то с детства, они пробивают себе дорогу именно по своей особой профессии. А другие открывают свой бизнес.

– Но кто-то же должен следить еще с детства, к чему склонен ребенок, чтобы развивать его будущую ориентацию? Кстати слово бизнес мне пришлось считать из вашей головы, у нас нет такого понятия.

– Извините, Джек, я не всегда вас понимаю. Может, вы мне расскажете о вашей системе, и тогда я пойму ваши вопросы лучше?

– Пожалуйста, – тот развел руками, – я постараюсь вкратце, чтобы вас не утомить. Начну с момента, когда ребенок первый раз приходит в детский сад, как вы его называете. Вообще-то у нас есть огромное здание для обучения, очень большое, большая его часть находится под землей, так вот, все уровни возрастов и образования проходят именно в нем.

– Их туда приводят родители? – вставил я.

– Нет, не знаю, как по вашему называются наши летательные аппараты, у нас их зовут Тори, их много и они разных размеров. Короче, Тори облетают всю планету и привозят детей

в это здание. Каждый ребенок, в зависимости от возраста, попадает в определенный зал, где много его сверстников. В детских садах такие залы заполнены кучей игрушек разного вида и форм, так что каждый из детей может выбрать себе любую игрушку на свой вкус. Естественно, в зале находятся несколько учителей и психологов, которые просто наблюдают, как и с чем играют дети, а так же поддерживают общий порядок.

– Только наблюдают? – прервал его я. – Но хоть чему-то учат?

– Естественно. Например, как самостоятельно ходит в туалет, мыть руки, снимать и надевать одежду, есть, и пить, расстилать и заправлять постель, в общем, их учат самому главному, как за собой ухаживать. Но все это проходит как игра, дети даже не воспринимают это как обучение.

– Постель? Они там же и спят? А сколько времени в день ребенок проводит в таком садике?

– Столько, сколько ему нравится.

– Но он может не хотеть домой два-три дня.

– И что? Остается на это время, а родители навещают его. Приоритет отдается желанию ребенка.

– Интересно даже, – я улыбнулся, – и что дальше? И для чего психологи?

– Вы сами знаете детей, у них разные характеры, и поведение у них разное. Есть жадные, плаксы, замкнутые, драчуны и так далее. Именно с такими, в форме игры и работают психологи. В конце, когда для ребенка садик заканчивается, вся группа как бы выравнивается, ни у кого не остается каких-то неблагоприятных отклонений, хотя, никто никогда не притупляет их интересы, они остаются своими у каждого ребенка. А потом начинается школа. Это уже другой зал, другие учителя и психологи. Но в зале тоже есть кровати, и ребенок может оставаться в школе столько, сколько ему нравится. Как в садике, так и в школе, учителя и психологи работают круглосуточно, иногда меняясь. У нас есть обязательное образование, но оно длится, по-вашему, – он задумался, что-то подсчитывая, – семь лет.

– У нас почти то же самое, – удивился я. – А потом?

– Дело в том, что именно со школы у нас и начинается профессиональная ориентация. За эти семь лет, психологи уже точно знают, к какой профессии или виду деятельности тянет ребенка, этого невозможно не заметить. Есть и такие, которых ни к чему не тянет, но их мало и с ними работают дополнительно. Короче, к концу школы все становится ясным. Те дети, которых ничего не интересует, или почти ничего, выделяются в отдельную группу, и им предоставляется отдельная комната, как и остальным тоже, по интересам. Начальная школа разбивается на многие группы, по интересам, у каждой из которых есть своя комната. Астрономы, биологи, медики, математики, то есть куча разных предметов.

– А те, которые не склонны ни к чему?

– Из них готовят простых рабочих, но тоже по отраслям. Кто-то хочет работать на промышленных предприятиях, другие в сфере обслуживания, третьи... И так далее. Позже их тоже разделяют, и уже непосредственно готовят к тому, что им ближе. Вы можете заметить, что на всех этапах дети сами выбирают свою профессию и только ту, которая им по душе.

– А с другими? Например, комната медиков. Что происходит с ними? – Я почему-то вспомнил Тину.

– Ладно, возьмем медиков для примера. Дети продолжают учиться. Некоторые доходят до уровня медсестер, и больше им не нравятся, тогда их отселяют в другую комнату, где из них готовят профессиональных медсестер. Другие, останавливаются на врачах, и их ждет отдельная комната и группа для врачей. Третьи идут дальше и хотят работать в научной медицине, и так далее. Получается огромная сеть по интересам, но не волнуйтесь, комнат хватает для всех. В зависимости от цели, ребенок столько и учится. Медсестра заканчивает раньше, с ней начинают вести уже практическое обучение в больнице или медицинском

центре. Врач учится дольше, и потом та же практика, научные работники учатся, к примеру, по-вашему, лет до тридцати, и потом их забирают научные учреждения. И так происходит со всеми. Каждый ребенок начинает работать только там, где ему нравится, по той профессии, которую он сам выбрал. Ладно, это не секрет, я расскажу вам о членах правительства этой планеты, чтобы вы окончательно все поняли. Председатель совета и двое его заместителей в детстве не хотели быть ни медиками, ни рабочими, им нравилось управление. Просто управление ситуациями, у них был особый масштабный взгляд на происходящее, и, в конце концов, они трое в разные периоды закончили управленческое отделение школы. Да, им понадобилось для этого сорок-пятьдесят лет, но потом они просто управляли, например строительством на планете, или охраной природы. Наступил момент, и одного из них, самого опытного выбрали в совет планеты, как и остальных двух, но позже. А на одном заседании, на выборах Председателя совета, его выбрали председателем. Это было когда бывшего забрали на другую планету. До сих пор он занимает этот пост. Как видите, разнообразие интересов и специальностей на нашей планете не лимитировано. Все зависит, прежде всего, от вашего желания и способностей.

– Значит, Совет выбирает Председателя, а кто же выбирает в совет?

– Сам же совет и выбирает. Он рассматривает кандидатуры, и уровень почета каждого человека. А потом решает простым голосованием. Так и я попал в совет, но прежде прошел очень многое, набираясь опыта, как по системе образования, так и по управленческим качествам.

– Вам что, тоже клеят на грудь квадратики почета? – улыбнулся я.

– Когда-то клеили, – усмехнулся Джек. – Потом просто добавлялась информация в мое личное дело.

– Да, – я почесал голову, – очень интересно. Получается, что каждый любит свою профессию и работу, ведь именно он их и выбрал. Не скрою, у нас все гораздо проще, большинство людей работают по профессиям, которые им совсем не нравятся, некоторые даже ненавидят их, но если платят хорошо, то терпят. А выбирают у нас в главы правительства все население, только это самая большая фальшивка, кандидаты уже подготовлены и согласованы, и у них обязательно много денег или власти, так что голосование это просто выбор между двумя-тремя людьми, богатых или властных.

– Что ж, – разговор подходил к концу, – если вам понравилась наша система, вам есть куда стремиться. Если вас вернут на Землю, вы можете предложить нашу систему, и ее могут принять.

– Конечно, – рассмеялся я, – кто меня будет слушать? Все как было, так и останется.

Джек поднялся, мы попрощались и он вышел.

– Вот почему Тина без запинки сказала, что любит свою работу. При такой подготовке не удивлюсь, что так бы ответил каждый на этой планете. – Я тяжело вздохнул. – Нам до них как до Луны, хотя и у нас есть люди, работающие по любимой профессии, но сколько таких? Пять-десять процентов?

Я нажал на кнопку вызова.

– Тина, – спросил я, когда та пришла и села напротив, расскажи мне, как ты попала на свою работу, которую, как ты сказала, любишь? С самого детства.

Она задумалась и около получаса мне рассказала все именно так, как совсем недавно объяснял мне Джек.

– А почему ты не пошла дальше, на врача?

– Не захотела, – просто ответила она.

Я замолчал. Да, я мог спрашивать ее о многом, и мне всегда были интересны ее ответы, но сейчас мне просто ничего не лезло в голову. Наконец, я не выдержал.

– Тина, расскажи мне что-нибудь интересное и удивительное, у тебя это хорошо получается. – Попросил я.

– Тебя все удивляет, – рассмеялась она. – Ты просто не видишь себя со стороны. А мне очень забавно на тебя смотреть. Кстати, сегодня ты позвал меня раньше обычного, что, получился быстрый разговор?

– Да, мне самому немного странно, со мной беседуют представители многих направлений, и как я понял, их цель узнать как можно больше о моей планете. Но бывает так, что про свою планету они рассказывают раза в два дольше, чем спрашивают о моей. Сегодня это было особенно заметно. Или я не правильно понял их задачу?

– Мне кажется, что ты не прав, но сам этого не знаешь. Кстати, ты просил меня что-то рассказать, а давай я тебе кое-что покажу, и это тебя уж точно удивит?

– Ты это о чем?

– О тех же твоих визитах. Мне кажется, я понимаю, что происходит. Просто сам того не замечая, за короткое время ты не только рассказываешь, а и показываешь им в десять раз больше информации, чем тебе кажется. У нас высокие технологии и я тебе это продемонстрирую. Никакого секрета в этом нет, просто тебе об этом никто не рассказывал, а ты не спрашивал. Мы сейчас вместе сделаем один эксперимент, и результаты ты увидишь сам. Подождешь меня? Я сейчас приду.

Она вышла, а я заинтриговано сидел на стуле. В том, что у них очень высокие технологии, я не сомневался, но что это будет за эксперимент?

Тина вернулась быстро с зажатым в руке небольшим кристаллом черного цвета.

– Давай не будем экспериментировать очень долго, просто остановимся на каком-либо моменте, мне просто хочется, чтобы ты понял саму систему.

– А я точно ее пойму? – улыбнулся я.

– Короче, вспомни любой день, когда ты ходил к врачу, лучше из последних, и просто детально мне его расскажи, не думаю, что это займет много времени.

– К врачу? Я задумался. – Последний раз я был у зубного. Пойдет?

– Рассказывай, – усмехнулась она и положила черный кристалл на стол.

– Это была пятница, и лил дождь, но мне уже было назначено время, а этот врач брал недорого за услуги. Я вышел из дома и пошел по улице. Да, я мог подъехать и на автобусе, но увидел, что следующий квартал был перекрыт, какая-то демонстрация протеста. Я обогнул этот квартал и посмотрел на часы, я мог бы успеть еще, выпить кофе, но не стал заходить в кафе. К зубному врачу я пришел раньше, к тому же, тот запаздывал, а я был вторым по очереди, и приготовился, что на ожидание уйдет не меньше часа. В холе было уютно, сидела лишь одна старушка, видимо у нее и был первый номер. Ничего не оставалось, как устаться в телевизор, как раз только что начались новости. Война там, убийство полицейских здесь, кто-то выбросился с десятого этажа, короче, как и всегда все – одно и то же, происшествия и новости, ни одна из которых не поднимала настроение. Пришел врач, и женщина зашла в кабинет, а я досмотрел новости и взял сегодняшний выпуск одной из газет, я прочитал ее полностью, и уже было взялся за вторую, когда наступила моя очередь. Я страшно боялся зубных врачей, и при виде сверлильного аппарата у меня похолодело на сердце. Врач выдернул нерв из одного моего зуба, и поставил пломбу на другой, все было очень больно, но я все выдержал. Отдав ему пятьсот долларов, я вышел на улицу и вернулся домой. Все. – Я посмотрел на Тину и выдохнул. – Не очень затянул?

– Нет, как раз то, что надо. А теперь послушай меня внимательно. Когда человек о чем-то рассказывает, о случившемся, он думает об этом, вспоминая. Здесь работает память, но не только из сознания, но и из ее подсознания, хотя меньше. Что-то, вспоминая, в голове у человека появляются какие-то кадры, если он хочет вспомнить все подробно. Есть еще и другие детали, но их мы трогать не будем. Ты знаешь, что мы можем читать мысли, и счи-

тивать их, или изображения из головы другого человека. Все, что ты рассказал, записалось на этот кристалл, сейчас ты не поверишь, но он покажет нам фильм. Если твой рассказ занял десять минут, то фильма будет идти не меньше часа, хочешь его посмотреть?

– Естественно, – насторожился я. – Только давай я лягу как всегда под экраном, а ты сама все включишь.

Я улегся и приготовился смотреть. Невероятно, но я увидел себя, надевающим плащ и смотрящим в зеркало перед тем, как выйти из дома. Видимо, видеокамера находилась на уровне моих глаз и показывала все: и проезжающие машины, пешеходов, улицу, заведение, капли дождя и лужи, которые я обходил, короче, один квартал я прошел минут за десять, видя все подробности, которые тогда видели мои глаза. Странно, я бы не вспомнил и половины, но видеокамера запечатлевала все, вытаскивая, как сказала Тина, информацию из подсознания. Еще десять минут ушли на демонстрацию, я даже видел, что было написано на плакатах, и в чем были одеты люди, некоторых я запросто мог описать. Потом я обогнул квартал и уже входил к зубному. Я увидел холл, мебель и старушку, а потом то, что показывал телевизор. Невероятно, но на это ушло почти полчаса, столько шли новости. И, как мне показалось, ни одна новость не была пропущена. Потом газета, и я видел те статьи, которые я тогда прочитал, я видел их так четко, что мог бы прочесть их опять, слово в слово. Потом приход доктора, в чем он был одет, а затем и его кабинет. Я видел инструменты, и как мое лицо корчило от боли, особенно, когда он вытаскивал нерв. Потом расчет, камеры показывали пять купюр по сто долларов, причем, разглядеть можно было каждую, и в конце я опять оказался на улице. Это было, в общем, камера в целом показала гораздо больше.

Фильм закончился, а я еще не мог придти в себя.

– Лара, такого не может быть, ведь прошло часа полтора. И откуда такие подробности, откуда все в деталях, я ведь бы этого просто сейчас не вспомнил?

– Но ты вспомнил, и, причем все, да еще и в картинках, из которых составил фильм. Рассказал ты все за десять минут, или меньше, а фильм длился в десять раз дольше. Но не только это, сколько дополнительной информации всплыло и записалось на видео? Ну, и как тебе, понравился эксперимент? – улыбнулась она.

– Понравился? – я сел, – он меня просто убил. Во-первых, вашей технологией, а во-вторых, я и не предполагал, что все записывается в память в таких деталях, пусть в сознание, или в подсознание, но все, до мельчайших подробностей. Но теперь я начинаю поминать. Я разговаривал с человеком три часа, пусть из них я рассказывал о своей планете лишь час, но он унес фильм на десять часов не только о том, что я рассказал, а сотни, даже тысячи деталей, которые всплывали в моей памяти. Он унес огромный пакет информации, достаточный для цели его прихода. Вот это да!

– Значит, удивила! – улыбнулась Тина. – Только для нас это обычное явление, мы используем этот метод тогда, когда нужно вспомнить какуюнибудь специфичную деталь из далекого прошлого. Просто начинаешь думать о том периоде, а потом просматриваешь фильм, и обязательно находишь эту деталь, да еще и кучу другой информации. Кстати, – она серьезно на меня посмотрела, – ты выглядишь очень устало. Я, наверное, пойду, я ты ляг и поспи немного. – Она встала.

– Честно говоря, я просто в шоке. Неплохо переварить эксперимент и поспать, – согласился я с ней.

После ее ухода я около двух часов ходил по комнате, все, что произошло, не укладывалось в моей голове. Наконец, я лег и уснул, но до самого утра завтрашнего дня.

Глава 12. Военные и духовные

Меня разбудил тихий стук в дверь. – Входите! – крикнул я.

На пороге стояла Тина, и я попросил ее зайти.

– Джон, с вами все в порядке? Вы так долго спите, что я уже начала винить себя за вчерашний эксперимент. Я думаю, что те ваши воспоминания, особенно вытащенные из подсознания, очень вас утомили, видимо именно ваше подсознание, вы используете его редко.

– Скорее всего, – согласился я. – Но я тебе очень признателен. Кстати, ты же знаешь, что я любопытен, я заметил, что вы здороваетесь или прощаетесь, хлопая друг другу по плечу. У нас простожимают руки. А что означает, если другой человек слегка сжимает тебе плечо?

– Это дружеский жест, как бы, неофициальный. Или знак доверия и благодарности.

– Ага, понятно, – я сел. – У нас в таких случаях слегка обнимаются. Подойди ко мне, пожалуйста.

Тина подошла и села рядом, а я легонько сжал ее плечо. Та рассмеялась и повторила то же самое с моим плечом.

– Спасибо тебе за все. – Повторил я. – Значит, уже пора вставать? Не волнуйся, я хорошо себя чувствую, а после твоего прихода еще лучше. Кстати, теперь я буду знать, что мне необязательно рассказывать что-то человеку очень много, достаточно просто вспоминать.

– Конечно, – кивнула она. – К тебе сегодня кто-то должен придти, попробуй это на практике. Если он не будет возражать, значит все в порядке, если нет, придется рассказывать.

– Классный совет! Попробую.

– Ладно, тогда я пошла. Зови если что.

– А как же! – Улыбнулся я, – ты для меня стала как сестренка, и я к тебе уже успел привыкнуть.

– Тогда пока, братишка, – дверь за ней закрылась.

Я умылся и привел себя в порядок, а уже через полчаса в дверь постучали.

На пороге стоял серьезный мужчина с пышными усами.

– Советник по охране планеты от внешних угроз Лари, – будто отрапортовал тот, и я сразу узнал в нем военного.

Вскоре мы уже сидели друг напротив друга.

– Извините, Лари, может, мы попробуем свести рассказы и ответы просто к воспоминаниям? Вы же сможете их, потом расшифровать?

– Естественно. Как вам лучше, Джон. Но вы же этого не умеете?

– Да, к сожалению, я буду просить отвечать вас вербально. Только не волнуйтесь, много вопросов я задавать не буду. Тогда можно начинать? Я вспомню все, что касается военной темы на нашей планете.

– Военной? В каком смысле?

– Нападения и защиты, естественно, – не понял я.

– Извините, но нападением мы не занимаемся, только защитой.

– Да? – Удивился я. – Хотя вам виднее. Но я постараюсь вспомнить все.

Я около часа просто смотрел ему в глаза, вспоминая наши войны, типы вооружения, атомные и ядерные испытания, которые я когда-то видел по телевизору, короче все, что касалось вооруженных сил. Наконец я выдохся.

– Вам этого хватит? – скромно спросил я.

– Вполне. Это просто какой-то фильм ужасов. Ваша Земля сидит на пороховой бочке, а вы почти каждый день проходите рядом с зажженной свечой. Вы что, любите рисковать? Зачем вам столько вооружения? И столько солдат? Вы что, готовитесь к защите от кого-то?

– Да, наверное, – горько усмехнулся я, – от самих себя же. И вы правы, мы действительно сидим на пороховой бочке, и любой из глав какой-то одной страны в любой момент может нажать кнопку, и эта бочка вместе с планетой разнесется пылью по космосу. Извините, я постарался быть открытым, чтобы вспомнить все. А чем вы занимаетесь?

– Только защитой, – четко ответил он. – В нашей истории был случай, когда наше созвездие, все его планеты, хотели завоевать черные силы из другого созвездия. Началась война, эта планета была полуразрушена, но мы все-таки отбились. А чуть позже к нам пришла и помощь из других созвездий, и те силы были разбиты. Поэтому, раньше у нас не было защитного поля, сегодня же планету окружают три уровня защиты, построенные по самой высокой технологии.

– Мне говорили, что на другой вашей планете есть ученые, и они занимаются военными разработками?

– Да, это правда. Военными? Я бы сказал не так, скорее космическими. Здесь, на этой планете есть только Тори, это как общественный или грузовой транспорт, но на другой у нас много космических аппаратов, от флагманского космического корабля, до разных уровней летающих тарелок и других аппаратов. Большинство из них просто транспортные, на них наши жители посещают другие созвездия, но есть и боевые, для случайного нападения противника.

– Но вы же в ассоциации? А если другое созвездие из вашей ассоциации попросит у вас военную помощь, что вы сделаете? Вы же сами сказали, что ваши корабли для защиты, а не для нападения.

– Так точно. Естественно, мы пошлем наши корабли на помощь, они помогут защитить ту планету, на которую напали. В конечном итоге, защищаться или нападать, это вопрос стратегии, оружие ведь у нас есть и самой последней модификации.

– А сколько у вас работает над этим ученых, если не секрет?

– Около двадцати человек основных, и около тридцати тех, кто им помогает.

– Всего лишь? – удивился я. – Но есть же и заводы по производству, как оружия, так и летательных аппаратов?

– Да, конечно, это еще пятьдесят человек.

– То есть вся ваша военная сила держится на плечах всего лишь ста человек? Невероятно! – Но тут я вспомнил про домостроительный цех, где один человек обслуживал все. – И вам этого хватает? То есть, вы уверены в своей защищенности?

– Вполне. – Ответил тот без колебаний. – Только я вот не понимаю, зачем вам миллионы людей для военных целей, ведь противника у вас нет?

– Да, согласен, это полное безрассудство. Ладно, – вздохнул я, – у меня вопросов больше нет, не знаю, есть ли они у вас.

– Нет, все четко и ясно, только очень трудно для понимания.

– Естественно. – Мы встали, и я проводил его до двери. – Кстати, а разведка и контрразведка у вас есть?

– Разведка есть, но она не из нашего ведомства. Это просто научная разведка нашей галактики, чисто для научных целей.

Мы попрощались и он ушел.

– Действительно легко и быстро, – подумал я, – если использовать их метод чтения мыслей или составления фильмов. Наверное, я ему выложил кучу всего. Ладно, как есть, так есть.

Вся встреча заняла около часа, и я вспоминал, кто остался еще для беседы со мной.

– Председатель духовной общины Люси! – вспомнил я. – Кажется, она последняя. Если я справился с Лари за час, то сейчас еще не наступил и полдень. С сомнением, но я нажал кнопку вызова.

– Тина, – сказал я, когда та появилась на пороге, – спасибо твоему методу, он сработал, но у меня еще весь день впереди. Может ты могла бы, не попросить, а предложить встретиться со мной Председателю вашей духовной общины, мы бы сэкономили время. Как ты считаешь?

– Естественно, я могу связаться с нею, но обещать ничего не могу. Хочешь, я свяжусь?

– Не знаю, неудобно как-то, но и она бы сэкономила время.

– Тогда я сейчас приду, – Тина закрыла дверь.

Уже через пять минут она появилась опять.

– Она скоро будет. А как же я? – Грустно спросила она.

– Если мы переговорим тем же методом, то у меня останется еще весь вечер, уйма времени. – Я просто сиял. – Только подготовь мне что-нибудь интересное.

– Ладно, подумаю. – Она закрыла дверь.

Где-то через час в дверь постучали. Я сам открыл ее и проводил в комнату Люси, усадив ее на стул. Эта женщина была странной, будто она изливала какую-то спокойную расслабляющую энергию.

– Люси, вы не обиделись на мое приглашение? – сразу спросил я.

– Обиделась? Джон, я никогда ни на кого не обижаюсь. К тому же, я была свободна.

– Тогда все нормально, – вздохнул я. – Кстати, утром у меня был Лари и мы удачно и быстро побеседовали, используя ваш метод. Извините, может, мы попробуем свести мои рассказы и ответы просто к воспоминаниям, как у нас получилось сегодня с Лари? Вы же сможете их, потом расшифровать?

– Естественно. Как вам угодно, Джон. Но вы же этого не умеете?

– Да, к сожалению, я буду просить отвечать вас вербально. Только не волнуйтесь, много вопросов я задавать не буду. Тогда можно начинать? Я постараюсь вспомнить обо всех религиях на Земле. Ведь духовность это религия?

– Вы ошибаетесь, – спокойно улыбнулась Люси. – Их часто путают, но это не одно и то же. Хотя, просто для интереса я бы попросила вас вспомнить о ваших религиях тоже, я никуда не спешу.

Я не был верующим, как и не был атеистом, и лишь два раза заходил в католическую церковь, просто посидеть и расслабить голову. Но, естественно я многое видел по телевизору, хотя религий было не много: Христианство, Иудаизм, Мусульманство и Буддизм. Я смотрел эти передачи от нечего делать, часто пропуская суть рассказа, мне больше нравилась архитектура разных церквей, их внутреннее оформление и поведение людей на проповедях. Из каждой религии я знал совсем понемногу, кроме христианства, ведь что-нибудь из него показывалось каждый день. Но я помнил эксперимент, я смотрел и слушал передачи, хотя многого не слышал. Но информация в любом случае проходила через мои уши, а значит, ее можно восстановить, вернее, если вспоминать программу, все, что в ней говорилось, вспомнится само по себе. И я начал вспоминать. Прошло не более получаса, как я выдохся, с Лари у меня заняло гораздо больше времени, час. Дело в том, что религиозные передачи я смотрел, обычно дожидаясь какого-нибудь интересного фильма, то есть я просто смотрел на экран какой-то обрывок, не уделяя внимания услышанному, мне это было неинтересно.

– Все, – немного огорченно закончил я. – Больше ничего не вспоминается. Вы хоть что-то узнали, увидели?

– Гораздо больше, чем предполагала, – неожиданно ответила Люси. – Спасибо вам, Джон. Теперь я понимаю, что духовность и религия у вас одно и то же. Очень у вас странный

мир, очень. Столько церквей, обрядов, проповедей.... Интересно, кому нужно это мошенничество?

– Мошенничество? – я опешил.

– А иначе его не назовешь, разве это трудно понять? Всех нас создал Отец, мы все его дети. Разве в семье есть посредник, который занимается общением между сыном и матерью? Нет. Естественно, они разговаривают напрямую. Тогда зачем же все эти церкви и их служители? Чтобы брать с прихожан деньги за общение с Создателем? Глупость и мошенничество чистой воды. Как вас угораздило такое придумать? Плюс войны только на религиозной почве, это же уму непостижимо. Все благие заповеди создателя нарушаются, прежде всего, его же служителями на вашей планете. И это можно назвать духовностью?

Я вспомнил, что после одного фильма хотел спросить ее, почему на их планете нет церквей, но только что она сама мне ответила.

– Но в одном фильме я видел ваш храм, и то, что вы что-то долго говорили собравшимся людям. Значит, вы тоже типа священника?

– Боже упаси, – Люси махнула рукой, – никогда им не была. Наверное, вам показалось, это я проповедую, как и у вас? Нет, просто мне много лет и я скопила уйму житейской мудрости. Я просто делюсь ею с людьми, отвечаю на их вопросы, помогаю наладить прямое общение с их же Создателем, объясняю, что в каждом из них заложено столько хорошего и доброго, столько способностей, что больше и быть не может. Создатель дал каждому своему творению неограниченные возможности, их надо только пробудить.

– И ваша цивилизация их все использует? Да, я видел ваши чудеса с левитацией и антигравитации, но мы на нашей планете такого повторить просто не можем.

– Можете, – подалась она вперед, – каждое разумное существо наделено одинаковыми способностями, не ущемлен никто, ни в каком измерении иные на какой планете. Просто, вам никто этого не объясняет, и вы не стараетесь раскрыть в себе эти способности. Взамен этому вы отдались шарлатанам, которые сами выгодно написали или переработали ваши святыне книги. Вы одурманены, очнитесь! Я вас приглашаю посетить наш храм в дни общего собрания, вы сами убедитесь, чем религия отличается от духовности. Если взять в среднем, мы используем около восьмидесяти процентов того потенциала, который нам дал Создатель, в более высших измерениях может, используют их все, не знаю.

– А насколько их используем мы? – невольно спросил я.

– Мне трудно сказать лишь по одному вашему фильму, но если вы используете всего пять процентов, я могу не ошибиться.

– Пять?! – не поверил я. – Тогда мы просто безмозглые насекомые. Хотя я сам никогда не задумывался, чтобы развивать какие-то дополнительные личные способности. Кстати, просто для интереса, какая религия на ваш взгляд более духовна на нашей Земле?

– Никакая, – моментально ответила она, но потом задумалась. – Лично мне ближе ваши восточные религии, буддизм, например. В ней, по крайней мере, существует реинкарнация.

– Странно, а почему вас как духовную личность выбрали в совет, у вас что, обязательно ходить в храм?

– Нет, конечно. Просто все в этом мире построено на духовности. Я чувствую, сидя рядом с вами, что ваше сердце закрыто, а ведь именно его Создатель назначил главой вашего тела и духа. У вас же глава – это ум, мозг, вы бездуховные и техногенные, у вашей цивилизации нет перспективы, если вы ничего не измените. У нас же каждый житель в первую очередь духовен и подчиняется, или прислушивается к сердцу, а ум у него как вспомогательный рабочий инструмент. Для меня это главное, что отличает цивилизации разных измерений. Кстати, вы рассказывали о вашем регрессивном гипнозе, и что ваша планета из пятого измерения опустилась в четвертое, почему? Разве вы стали мыслить хуже? Нет, просто боль

и горе ударило по вашему сердцу, и от этого упали ваши вибрации. Когда-нибудь, когда сердце восстановится, вы вернетесь в свое пятое измерение.

— Да, сразу понять трудно, но я обещаю, если мне дадут такую возможность, попасть в ваш храм, я ее обязательно использую. Извините, но у меня больше нет вопросов. — Я вздохнул.

— У меня тоже. Тогда прощаемся? Я думаю, что ненадолго, уже скоро мы опять встретимся в том же зале, и Карл, как вы его называете, огласит наш общий вердикт, по всем проведенным беседам, а так же будет решен вопрос о вашем будущем, желаю, чтобы оно было у вас безоблачным и с покоем в вашем сердце.

Мы поднялись, я провел ее до двери, а когда Люси ушла, я сразу же нажал кнопку вызова.

Глава 13. Ожидание

- Тина, скажи мне, есть какая-либо возможность поговорить с Лизой?
- Ты имеешь ввиду Лисиразначию? Она здесь, даже на этом этаже, позвать?

Я с благодарностью кивнул.

Лиза появилась через пару минут.

– Как дела? – она улыбалась. – Извини, что не навещала тебя, но я в курсе твоих дел. Как настроение?

– Не очень, – признался я, – поэтому я тебя и позвал.

– Что-нибудь случилось? – она заглянула мне в глаза.

– Нет, просто только что ушла Люси, и сказала, что мы опять все встретимся в том же зале, и мне вынесут вердикт, касающийся моего будущего. Естественно, я очень обеспокоен. Тебе что-либо известно об этом?

– Да, это правда Джон, и в этом нет ничего странного. С тобой побеседовали все, надо же делать и выводы.

– И как вы их сделаете?

– У нас все очень быстро делается, поэтому встреча в зале не за горами. Например, если Люси с тобой поговорила, то уже сегодня ее отчет поступит Карлу, вернее, в их Совет. От остальных отчеты уже должны были поступить. Их все сведут в одно дело, в тот же день рассмотрят его, примут решения, и Карл уже на следующий день будет здесь.

– Но почему все решает совет ассоциации, а не руководство вашей планеты? Я же попал к вам?

– Ты – особый случай и здесь много факторов. Во-первых, Совет заинтересован в информации о твоей цивилизации, он может предложить вам стать ее членом, к примеру. Во-вторых, ты из третьего измерения, и тебе запрещено оставаться в пятом навсегда, а как тебя вернуть, как я понимаю, никто еще не знает. Я знаю, что ответственный по здравоохранению пообещал тебе лечение, так что ты видишь, что и совет планеты или его члены вправе принимать свои собственные решения. Ассоциация это не глава всех созвездий, каждое созвездие самоуправяемо. И ты не так понял слово вердикт, это не указ, а лишь мнение ассоциации. Там же, за круглым столом, мы все и решим.

– Да, но извини меня, Карл ведет себя как самый главный, будто его слово закон, он же всем дал и распоряжения, и требует отчета.

– Ты его просто не знаешь, – улыбнулась Лиза. – Это его манера поведения, сам он внутри другой. Представь, сколько у него цивилизаций и сколько планет, поэтому он и спешит решать вопросы быстро и конкретно. И все, кто сидели за тем столом это понимают и помогают ему.

– Значит, он привезет не окончательное решение? – вслух задумался я. – Все равно, мне не безразлична моя судьба. И когда ты думаешь, будет опять этот круглый стол?

– Сегодня у него будет вся информация, завтра ее сведут воедино и скорее всего, соберется совет. Тогда послезавтра будет и круглый стол.

– Боже, – сказал я, – как мне выдержать до послезавтра?

– А чего ты боишься? Что с тобой могут сделать, или что может случиться? Ничего плохого, даже не сомневайся.

– Дай бог, – сказал я, – и спасибо, что утешила. А чем заниматься до послезавтра?

– Чем хочешь, смотри фильмы, например.

– Фильмы... – недовольно сказал я, – хочется все увидеть собственными глазами.

– Увидишь. Как только по тебе будет принято решение, я думаю, что тебя выпустят на поверхность.

– Правда? – затаив дыхание, спросил я. – А то мне эта комната уже надоела. Если бы не Тина...

– Тогда проводи эти два дня с нею, ей нравится, когда ты ее вызываешь.

Разговор был окончен, и уже у двери, я легонько пожал плечо Лизы, она ответила тем же, мне стало приятно, будто мы обняли друг друга как старые друзья.

Потом я позвал Тину, и мы до вечера болтали, я узнавал много нового из их повседневной жизни, и тем больше мне хотелось все посмотреть и потрогать.

Назавтра я смотрел фильмы и продолжал беседовать с Тиной, но мысль что уже на следующий день меня позовут за круглый стол, не давала мне покоя.

Тина как бы что-то почувствовала.

– Джон, скоро ты исчезнешь из этой комнаты, но мы же с тобой еще увидимся?

– Конечно, – кивнул я. – Даже приду в гости, если пригласишь.

– Тогда я уже приглашаю, – она обрадовалась. – Запомни, квадрат восемнадцать, блок четыре, место шесть.

– Это у вас такие номера? – удивился я. – Уже запомнил: восемнадцать, четыре и шесть. Но как же я тебя найду?

– Не знаю, дадут ли тебе кристалл связи, но ты можешь попросить любого жителя, чтобы он вызвал тебе маленькое Тори, а пилоту скажешь адрес.

– Это как такси? – удивился я. – Ну и дела, да, с Тори вы хорошо приспособились.

– Они у нас все делают. Знаешь, есть одно или два Тори, куда помещаются сто человек, но они больше транспортные. Такой запросто может перенести твой дом и поставить в другое место.

– Мой дом? – рассмеялся я. – Кто же мне его даст?

– Поживем-увидим, – хитро сказала она.

Вообще-то мне недавно показалось, что информация у них распространяется быстрее ветра. Будто каждый уже знал о том, что знает другой. Этот вопрос я задал Тине.

– А что здесь странного, если мы умеем читать мысли и считывать из головы информацию друг у друга?

– Как это? А секреты? А личная жизнь? Разве можно быть таким открытым?

– А мы все такие, нам нечего скрывать, потому что ничего плохого мы не делаем и не думаем ни о чем плохом. Только некоторые, кто повыше в должности, имеют блоки, и иногда ими пользуются, но не в личных интересах, а в общественных.

– Все равно это неправильно, – пробурчал я, – каждый имеет право на личную жизнь, и на свои секреты.

– Но ведь ты же знаешь, что я могу читать твои мысли и продолжаешь со мной общаться.

– Просто сейчас мне нечего от тебя скрывать, читай на здоровье.

– Вот видишь. Тебе сейчас, а нам всегда так.

– Ну, а если ты встретишь мужчину, и пойдешь с ним на половую близость, тебе все равно, что об этом узнают окружающие? Это я так, для примера.

– Конечно, все равно, а что в этом неестественного? Разве это плохо? Пусть знают, если кому интересно.

– Да, уж, – я почесал затылок, – ну и народ. Надо будет мне попросить для себя блок, мои мысли часто отличаются от ваших.

– Попроси и тебе дадут. У нас всем дают, только никто не просит. Кстати, я вижу, что ты чем-то серьезно озабочен. Большая комната, круглый стол и люди, сидящие за ним.

– Ты права, – вздохнул я. – Наверное, это будет завтра. Будут решать, что со мной делать. Ты бы не переживала?

– Конечно, только на нашей планете никто никому ничего плохого не сделает, зря нервничаешь.

– Поживем – увидим, – со вздохом сказал я. – Ладно, давай расходиться, поздно уже, а завтра, если ничего не изменится, у меня будет трудный день.

Уже подойдя к двери, Тина неожиданно сжала мое плечо, а я успел пожать ее. – Значит, у меня есть два друга, – сразу улыбнулся я, когда дверь закрылась, – вернее две подруги. Прекрасно!

Назавтра меня разбудила Лиза, она забежала сказать, что заседание будет сегодня, но поздно, и она за мной зайдет.

– Пусть поздно, – подумал я, – главное что будет.

Я посмотрел пару фильмов, один про насекомых, а другой про две реки. В первом мне понравилось, что комаров на планете не было, а второй был интересней. Показывали, что одна река, как бы начинается с самого высокого места, потом камера следовала прямо над ней, пока, наконец, река не впадала в большое водохранилище. Оно было явно искусственным и огромным, оказывается, из него и брали воду. Съемка велась явно с одного из Тори. Пролетев над водохранилищем, я увидел, как вода будто выбрасывается из него какими-то явно мощными механизмами, и та же река продолжала течь дальше, по ровной местности. На больших расстояниях друг от друга, что-то виднелось из воды, наверное, похожий механизм, он придавал ей скорость. Но потом ландшафт шел вверх, и механизмов становилось все больше, вернее они встречались чаще, и вода поднималась вверх по склону. Наконец, камера вернулась к месту, откуда река была показана с самого начала. Вторая река действовала по тому же принципу, но она была очень далеко от первой, и самый ее пик был на другой стороне планеты.

Теперь мне все стало понятно, вернее непрерывность этих двух рек. Но для чего надо было так делать? Первое, наверное, было водохранилище, оттуда брали воду для всей планеты. Второе назначение я понял чуть позже, все леса росли только почти вдоль рек, или недалеко от них. Раз на планете были дожди, наверное, дождевую воду как-то собирали, но как я не увидел, это могло быть в другом фильме. Теперь я окончательно понял, что водные ресурсы у них небольшие, а выкачивать воду из подземных водоемов они не хотели. Поэтому и была придумана такая простая экономия. Интересно, а что они делали уже с использованной водой? Наверное, очищали и пускали по новой? А может, направляли туда, где были участки с посадками, ведь без воды ничего не вырастет. Я уже не сомневался, что каким-то образом вся система водоснабжения была отлично спланирована и хорошо работала, недостатка в воде не чувствовалось, а это было самое главное, имея всего две реки.

Неожиданно я закрыл глаза и задремал. Наверное, я уснул, и меня разбудил стук в дверь, на пороге стояла Лиза и почему-то улыбалась.

– Пошли, Джон. Поведу тебя на смертную казнь, – пошутила она.

Мы спустились на лифте, и наконец, вошли в знакомый зал.

Глава 14. Вердикт

За столом сидел прежний состав, и мы с Лизой опустили на свои стулья. Я заметил, что лица сидящих были направлены не на меня, как в прошлые разы, а на Карла.

— Что ж, — начал он, — прежде всего, хочу поблагодарить каждого из присутствующих за помощь, включая Джона тоже, сбор информации прошел оперативно, и сегодня мы должны прийти к какому-то разумному заключению. Вчера мы собрали свой совет, и скажу честно, что заседание не было быстрым, как и его решение можно назвать легким, которое я привез, чтобы обсудить с вами. Начну с ситуации на Цети. Извини Джон, но я буду называть вещи своими именами, может иногда тебе будет больно их слышать, но это лишь наше мнение, ты можешь быть не согласен. Так вот, Цети находится на пороге краха, и здесь я разделюсь на два направления, Цети как планета, и Цети как цивилизация. Если в любой момент на планете вспыхнет ядерная война, а предпосылок очень много, от нее самой ничего не останется, оружие, которое накопила ее цивилизация, сотрет планету в порошок. И такая опасность не за горами, хотя я думаю, что Создатель не позволит этого допустить. Цети как цивилизация уже опустилась до точки не возврата, соответственно ее гибель тоже не за горами, она просто съест саму себя, и это видно из многих сфер ее жизни. К сожалению, этот эксперимент на Цети я бы назвал неудачным, хотя даже неудачный эксперимент приносит кучу опыта. Извини Джон, но вашей цивилизации скоро конец, как скоро — это будет зависеть от вас самих. Лично мне очень жаль вашу планету, но эксперимент не закончится на вашей цивилизации, после вас придет новая, и нам всем хотелось бы, чтобы она не повторила ваши ошибки. Естественно, какая-то горстка людей выживет, создатель не даст погибнуть всем абсолютно, но этот вопрос не в нашей компетенции. Я уверен, что прошлые цивилизации оставили вам архивы своей мудрости, но они были выше вас во всех отношениях, и вы или не нашли эти архивы, или найдя их, не смогли их расшифровать. Короче, будем считать, что цивилизация на Цети скоро исчезнет. Не думайте, что мы не искали способов помочь вам, но дело зашло слишком далеко, да и не в нашей компетенции влезать в эксперимент ни на одной планете галактики, не мы его создали.

Почему все так случилось с Цети? — задавали мы себе вчера этот вопрос. — Ответов было много. Наши эксперты проанализировали ситуацию и все ваши отчеты. Первое, на Цети прилетали из других цивилизаций, и не раз. Что-то притягивало их к этой планете, может редкие минералы или металлы, а может и другое. Что-то же должно было быть их интересом? А может и сами люди? Мы знаем, что на некоторых созвездиях существуют проблемы продолжения рода, или другие, а на Цети их не было, вот они и прилетали за опытом, ставили эксперименты с людьми, но одновременно им же и помогали. Чем? Простейшими технологиями. К сожалению, а эксперты это подтвердили, на Цети были и черные силы из созвездия Ориона, как его называют на Земле. Что-то им надо было, но не поработить планету, ведь с их технологиями они бы сделали это сразу, значит, что-то другое. Может Джон и прав в своих расчетах, что они пробыли на Цети около тысячи лет, а потом просто заблокировали всем память, это у них хорошо получается. А может, пробыли меньше, и увозили с собой людей, ставили на них опыты, а потом возвращали, тоже ставя блоки на их память. Но факт есть факт, вряд ли, кто-то кроме них оставил людям такое понятие как деньги, а может, и заразили Зета, хотя, Зета могла попасть на Цети и из других цивилизаций. Что же мы имеем на сегодня? Цети, к сожалению просто больна вирусом Зета, а отсюда и много последствий, естественно, негативных. Можно ли ее вылечить? По нашему мнению, уже поздно, планета падает ниже третьего измерения, она тяжело и безвозвратно больна. Просто скажу для Джона, что если вибрации людей четвертого измерения оценить в сто единиц, то ваши вибрации в среднем упали до двух, ты чувствуешь разницу? Но ты, как бы правильно

выразиться, среднестатистический человек с Цети, значит, есть много людей с еще более низкими вибрациями. А смысл эксперимента? Вы должны достигнут следующего измерения, но ты видишь, какая пропасть вас разделяет. Думаешь, это еще возможно поправить? Может и да, но только какими-то крупномасштабными мерами самого Создателя. Но зачем ему это нужно? Эксперимент провалился, выводы сделаны, опыт собран, можно все зачищать и начинать снова. Извините, вы не сильно устали от моей речи? – вдруг спросил он и оглядел присутствующих.

– Я бы добавила, – вдруг сказала Люси, – что на Цети полностью отсутствует духовность, а это одно из самых главных задатков нормального развития любой галактической цивилизации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.